

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
АВТОНОМНОЙ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ
РЕСПУБЛИКАНСКОЕ ВЫСШЕЕ УЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ
«КРЫМСКИЙ ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Выпуск 23

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**Симферополь
2010**

Свидетельство о государственной регистрации печатного средства массовой информации
выдано Государственным комитетом телевидения и радиовещания Украины 12.01.2006 г.

Серия КВ № 10833.

*Друкується за рішенням Вченої ради Республіканського вищого навчального закладу
«Кримський інженерно-педагогічний університет». Протокол № 12 від 31.05.2010 р.*

Вчені записки Кримського інженерно-педагогічного університету. Випуск 23. Філологічні науки. – Сімферополь : НІЦ КІПУ, 2010. – 138 с.

У збірник вміщено статті по філології, підготовлені професорсько-викладацьким складом, науковцями, аспірантами, студентами університету, а також вченими інших вузів.

Для науковців, викладачів, аспірантів і студентів вищих навчальних закладів.

*Печатается по решению Ученого совета Республиканского высшего учебного заведения
«Крымский инженерно-педагогический университет». Протокол № 12 от 31.05.2010 г.*

Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Выпуск 23. Филологические науки. – Симферополь : НИЦ КИПУ, 2010. – 138 с.

В сборник включены статьи по филологии, подготовленные профессорско-преподавательским составом, научными работниками, аспирантами и студентами университета, а также учеными других вузов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов высших учебных заведений.

Редакционная коллегия:

Керимов И. А., д.ф.н., профессор (главный редактор);

Петрова Л. А., д.ф.н., доцент (зам. главного редактора);

Голосова Т. М., д.ф.н., профессор;

Орехова Л. А., д.ф.н., профессор;

Эмирова А. М., д.ф.н., профессор;

Фазылова А. Р. (ответственный редактор).

Статьи, принятые к печати, обязательно рецензируются редакционной коллегией.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

Аджимамбетова Г. Ш. Образование парных и повторных наречий в крымскотатарском языке	5
Велиева Э. А. Къырымтатар тилинде матбуат терминлерининь огренилюв меселеси	8
Ганиева Э. С. Крымскотатарская лингвистическая терминология в динамическом аспекте	11
Калугина Т. В. Валентность и синтаксические функции местоименно-союзных контаминантов	16
Рустемов О. Д. Вопросы графологии и внутрилингвистический конфликт крымскотатарской фонетики и орфоэпии	21
Шепель Ю. А. Морфологическая асимметрия и явление изоморфизма при построении словообразовательных рядов (на материале имен прилагательных современного русского литературного языка)	25

Раздел II. ПРОБЛЕМЫ РЕЧЕВОГО ДИСКУРСА

Адолина Л. В. Афористический текст как предмет когнитивного анализа	33
Бессонова Л. Ю., Гажала А. А. Національно-культурна специфіка невербальних одиниць у текстах українських весільних пісень кінця XIX століття	36
Бессонова Л. Е., Сегал Н. А. Культурно-языковые характеристики концепта <i>толерантность</i>	39
Жуйкова М. В. Номінація в контексті мовного антропоцентризму	43
Петрова Л. А. Эстетическая модальность художественной речи писателей-сатириков начала XX века	47
Сегал Н. А. Пространство в политическом тексте: модели структуризации	51
Федонюк В. Є. Мовна картина світу і типологія К. Г. Юнга	54
Хаджиоглова О. Г. Структура категорії «музичні інструменти» в концептосфері кримськотатарських та українських студентів: зіставний аспект	59

Раздел III. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Драганова Г. В. Категория залога в немецком и русском языках в сопоставительном плане	67
Евтихова И. М., Ильина Ю. В. Лексические особенности австрийского варианта немецкого языка	71
Корабліна З. Ю. Емпіричний компонент лексичного значення фітонімів у тлумачному словнику англійської мови	75
Попова С. Н. Грамматические типы новых реалий в стиле прессы и публицистики	81

Раздел IV. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Абдульвапов Н. Р. Биобиблиографические исследования османских авторов конца XIX – начала XX вв. как источник по истории крымскотатарской религиозно-суфийской литературы	85
Абрамова Е. Ю. Образ Чацкого в русской критике	91
Билык М. П. «Земля – подножие моё...»: образ крымских гор и перевалов в творчестве И. А. Бунина	93

Джапарова Э. К. Календарный цикл в мифопоэтическом мире Роберта Грейвса	98
Иванова Н. П. Оппозиция «человек – природа» в ментальном пространстве И. С. Тургенева	101
Керимов И. А. «Ветан хадими» газетасы (1906–1908): тарихи ве мундериджаты	106
Романов Ю. А. Отражение «подпольного» эстетизма в поэме «Великий инквизитор» из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»	112
Рустемова Л. А. Крымские мотивы в творчестве В. И. Даля	115
Селимова Л. Ш. Земаневий кырымтатар шириетинде варислик меселеси	119
Таймазова Л. Л. Поэтическое своеобразие пейзажа в мемуарах М. Волошина	125
Юферева О. В. Основні підходи до вивчення категорії «метажанр» у сучасному літературознавстві	128
Наши авторы	136

Раздел 1. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА

УДК 811.512.145

Аджимамбетова Г. Ш.

ОБРАЗОВАНИЕ ПАРНЫХ И ПОВТОРНЫХ НАРЕЧИЙ В КРЫМСКОТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются словообразовательные особенности парных и повторных наречий в крымскотатарском языке.

Ключевые слова: сложные наречия, парные, повторные наречия.

У статті розглядаються словотвірні особливості парних та повторних прислівників у кримськотатарській мові.

Ключові слова: складні прислівники, корні, повторні прислівники.

Word-formative peculiarities of paired and repeated adverbs in Crimean Tatar language are considered in the article.

Key words: complex adverbs, repeated adverbs.

Постановка проблемы. В современном крымскотатарском языке есть большая группа наречий, образованных путём соединения двух или нескольких основ или при помощи удвоения основ. Такие группы образуют сложные наречия.

Анализ литературы. Изучению наречия были посвящены работы западноевропейских учёных, например, Р. Морриса, Г. Суита, О. Эмирсона и др. Они выдвигали морфологическую классификацию наречий с исторической точки зрения и пытались отразить связь наречий с другими частями речи.

С именами академика В. В. Виноградова и профессора Е. М. Галкиной-Федорук связана подробное исследование наречия в русском языкознании. Они впервые дают системное описание наречия как части речи [1; 2].

В последние годы большое внимание уделяется изучению наречий в современном украинском языке. В связи с этим различным аспектам исследования наречий в современном украинском языке посвящены научные работы И. К. Кучеренко [3], И. И. Ощипко [4] и др. Авторы немаловажную роль уделяют происхождению и способу образования наречий.

Изучение наречий в крымскотатарском языке начинается с начала XX века в арабографичной грамматике М. Абдулькадыра «Къаваид-и лисан тюркий» [5], в грамматике А. Н. Самойловича «Опыт краткой крымско-татарской грамматики» [6], в арабографичной грамматике Ш. Бекторе «Татарджа сарф, нахв» [7], в работах Б. Чобан-заде «Къырымтатар ильмий сарфы» [8], Э. А. Къуртмоллаева «Татар тилининъ грамматикасы» [9].

Цель статьи – рассмотреть структуру компонентов парных и повторных наречий в крымскотатарском языке.

Изложение основного материала. Слово-сложительные модели представляют собой устойчивые структурные схемы. «Все сложившиеся модели сложных слов, – отмечает А. А. Юлдашев, – обладают характером устойчивой грамматической формулы» [10, с. 191]. Они представляют сдвиги различной структуры. Чаще всего последним компонентом являются имя существительное, прилагательное, местоимение, причастие. Иногда им может быть и наречие. По своему происхождению сложное наречие есть застывшее словосочетание или группа слов, выражающая сопутствующий тому или иному явлению признак. Сложные наречия в основном относятся к наречиям места, времени, причины, цели и образуются на базе словосочетаний, которые выражают обстоятельственные отношения.

Образование сложных наречий в крымскотатарском языке происходит путем основосложения [11, с. 118]. Сущность заключается в образовании наречий посредством слияния различных основ, а также основ и служебных элементов языка. Обычно два компонента, представляющие собой единицы частей речи, органически сливаясь, претерпевая при этом различные взаимообусловленные фонетические изменения, образуют новое слово с единым наречным значением.

Таким образом образуются следующие разновидности сложных наречий: собственно сложные наречия; парные наречия; повторные наречия; составные наречия. В данном исследовании речь пойдет о двух типах сложных наречий, схожих между собой по структуре: парных и повторных.

Образование парных наречий. Наречия, образованные способом редупликации или удвоения основ, представляют собой парные сочета-

ния имён, наречий и других частей речи, лексически используемых для определения качества действия или состояния [12, с. 146]. Такие сочетания состоят из повторов одинаковых слов синонимичных или антонимичных основ; повторов, компоненты которых оформлены аффиксами местно-временных падежей. Составными компонентами парных наречий могут быть различные части речи: существительное, глагол, деепричастие, числительное, прилагательное, наречие, предикативное слово.

Образование парных наречий можно разделить на две группы.

1. Сочетание неповторяющихся основ в основном падеже:

а) сочетание синонимов, представляющих собой наречия или прилагательные: **агъыр-сабыр** 'медленно': *Артыкъ энди агъыр-сабыр, акъ сакъаллы кышы келе* [15, с. 29] (*Теперь уже медленно идёт белобородая зима*); **алель-аджеле** 'спешно, срочно': *Мектюплер алель-аджеле язылды (Письма писались спешно)*; **ачыкъ-айдын** 'ясно, чётко'; **эсен-аман, аман-эсен** 'благополучно';

б) сочетание антонимов, имеющих одинаковое морфологическое оформление: **яз-кышы** 'зимой и летом'; **саба-акъшам** 'утром и вечером'; **гедже-куньдюз** 'днём и ночью': *Мусафир ичюн о гедже-куньдюз чальшыр* [13, с. 118] (*Ради гостей он будет работать днём и ночью*); **эрте-кеч** 'рано или поздно': *Эрте-кеч илле ёлдан чыкъаджакъ, яхут бир шейге барып уруладжакъ* [14, с. 198] (*Рано или поздно он непременно уйдёт с дороги или ударится обо что-то*); **аз-чокъ** 'много или мало'; **язын-кышышын** 'зимой и летом'.

Интересен тот факт, что при переводе парных наречий на русский язык в большинстве случаев второй компонент наречия становится первым: **гедже** 'ночью', **куньдюз** 'днём' → **гедже-куньдюз** 'днём и ночью'; **яз** 'летом', **кышы** 'зимой' → **яз-кышы** 'зимой и летом'.

2) Сочетание неповторяющихся основ в косвенных падежах:

а) оба компонента имеют аффиксы направительного падежа: **онъгъа-солгъа** 'влево-вправо': *Мен бахытсыз макъсадымны больмесем, джуйрюк атым онъгъа-солгъа бургъанда* (*Если я не смогу осуществить свою несчастливую цель, то моя быстроходная лошадь будет метаться влево-вправо*);

б) оба компонента имеют аффиксы местного падежа: **арада-сырада** 'иногда': *Арада-сырада бираз вааз ве насиаттан башкъа ич бир шей истемез эди* [14, с. 44] (*Иногда, кроме немногих обещаний и наставлений, он ничего не требовал*).

Образование повторных наречий. Повтор компонентов наречий усиливает признак наречий, выражает интенсивность качества выражаемого глаголом действия:

Образование повторных наречий можно разделить на несколько групп.

1) Наречия-повторы, образованные от основ, имеющих одинаковое морфологическое оформление: **тез-тез** 'быстро-быстро'; **яваши-яваши** 'очень медленно'; **серт-серт** 'сурово'; **джорта-джорта** 'рысцой'; **агъыр-агъыр** 'очень тяжело': *Андаки булутлар авада агъыр-агъыр ялдап, денъизге таба джылыша* [14, с. 126] (*Те облака, тяжело плавая в воздухе, передвигаются в сторону моря*); **енгиль-енгиль** 'легко, легко-ненько'; **бирер-бирер** 'по одному, по очереди': *Кетирген къойларыны бирер-бирер анда сокъын соялар* [14, с. 130] (*Там по-одному режут баранов, которых они принесли*); **сыкъ-сыкъ** 'часто-часто'; **тосат-тосат** 'временами': *Тосат-тосат талгъын елмен, алтын ашлыкъ шувулдай* [15, с. 20] (*Временами тихим ветром колыхается золотая пшеница*); **япалакъ-япалакъ** 'хлопьями'; **акъырын-акъырын** 'медленно-медленно'; **шенъ-шенъ** 'радостно'; **бирилей-бирилей** 'по-одному'; **кескин-кескин** 'злобно'; **сербест-сербест** 'свободно'; **къат-къат** 'слоями'; **дане-дане** 'по-одному'; **адым-адым** 'шаг за шагом'; **окюр-окюр** 'навзрыд': *Онъа бираз бакъып тургъан сонъ, бойнуна сарылып окюр-окюр агълады* [14, с. 127] (*Немного посмотрев на него, она стала плакать навзрыд, повиснув на его шее*).

2) Наречия-повторы, образованные от двух основ, одна из которых фонетически видоизменяется и служит для усиления, интенсификации наречного значения: **къан-къара** 'черным-черно'; **бом-боиш** 'совершенно пусто'; **еп-енгиль** 'легонько'; **доп-догъру** 'прямым'; **ара-сыра** 'иногда': *О, ара-сыра башыны котерип пенд-жереден бакъа, динълене, сонъ, кене ята* [14, с. 30] (*Он, иногда подымая голову, смотрит из окна, вслушивается, после снова ложится*); **алпан-толпан** 'кое-как': *Къаранлыкъта айванны алпан-толпан юрсете* [15, с. 22] (*В темноте он кое-как ведёт животное*); **тип-тирилен** 'вживую'; **бус-бутюн** 'полностью': *Бабам энди койден бус-бутюн къайтып кельди* [14, с. 72] (*Отец полностью вернулся из села*); **бетме-бет** 'лицом к лицу': *Коръмек истеп Темирнен енгесини бетме-бет* [15, с. 97] (*Хочет увидеть невестку и Темира лицом к лицу*); **рыкъма-рыкъ** 'до отказа': *Зал рыкъма-рыкъ толу* [14, с. 62] (*Зал полон до отказа*); **кет-кете** 'постепенно' и т. д.

3) Наречия-повторы, образованные путём повтора слов, имеющих различное морфологическое оформление. Именные компоненты во

второй части оформлены падежными аффиксами:

а) аффикс направительного падежа: **кунь-куньге** 'изо дня в день'; **козь-козьге** 'с глаза на глаз'; **ер-ерине** 'по местам'; **о якъ - бу якъкъа** 'туда-сюда': *О, о якъ - бу якъкъа бакъты, стол янында тургъан скемлеге отурды* [14, с. 59] (*Он посмотрел туда-сюда, сел на стул, стоявший рядом со столом*);

б) аффикс местного падежа: **вакътлы-вакътында** 'современно': **Вакътлы-вакътында** эв ишлерини эте, чамашыр джува ве **вакътлы-вакътында** эллерини майлап, анасынъ сувукъ аякъларыны къыздыра [14, с. 31] (*Своевременно выполняет домашнюю работу, стирает, вовремя согревает холодные мамыны ноги*); **вакъты-вакътында** 'вовремя';

в) аффикс исходного падежа: **кунь-куньден** 'изо дня в день': **Кунь-куньден** юкъудан эртелеп тура [15, с. 22] (*День ото дня просыпается всё раньше и раньше*); **йыл-йылдан** 'из года в год'; **эвель-эвельден** 'с давних пор': **Эвель-эвельден шай олып кельген, шай да кете эди** [14, с. 93] (*С давних пор так оно шло, так оно и идёт*);

г) аффикс инструментального падежа: **зар-зорнен** 'еле-еле'.

4) Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа, а второй – формой направительного падежа: **йылдан-йылгъа** 'из года в год'; **куньден-куньге** 'изо дня в день': **Куньден-куньге** юреги ашыкъ отуна къабынып, эш-достларнен котере эки башлы тола эв [15, с. 46] (*Изо дня в день его сердце наполняется любовью, и они с друзьями строят двуглавый каменный дом*); **бойдан-бойгъа** 'во всю длину': **Онынъ кокнен къошулгъан еринде аз кемерли бир сызыкъ бойдан-бойгъа** созулгъан [14, с. 92] (*В месте, где он пересекался с небом, во всю длину протянулась слегка дугообразная линия*); **боштан-бошкъа** 'впустую'; **бирден-бирге** 'внезапно': **Бирден-бирге** къулагъыма «Хатидже Шабанова» фамилиясы чалынды [14, с. 62] (*Внезапно я услышал фамилию «Хатидже Шабанова»*).

5) Наречия-повторы, где первый компонент оформлен формой исходного падежа: **йылдан-йыл** 'из года в год'; **догърудан-догъру** 'точно без изменения': **Русча терминлер къырымтатарджагъа догърудан-догъру терджиме этиле** (С русского на крымскотатарский термины переводятся точно без изменения).

Выводы. В крымскотатарском языке парные и повторные наречия образуются синтаксическим способом.

Парные наречия состоят из неповторяющихся основ в основном падеже (*ачыкъ-айдын,*

агъыр-сабыр) и неповторяющихся основ в косвенных падежах (*арада-сырада, онъгъа-солгъа*).

В повторных наречиях можно выделить основы, имеющие одинаковое морфологическое оформление (*тез-тез, сыкъ-сыкъ*) и основы, имеющие различное фонетическое (*къап-къара, ара-сыра*) и морфологическое оформление (*бирден-бирге, догърудан-догъру*).

Следует отметить, что в крымскотатарском языке повторные наречия встречаются чаще, чем парные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – [3-е изд., испр.]. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.
2. Галкина-Федорук Е. М. Наречие в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М. : Учпедгиз, 1939. – 138 с.
3. Кучеренко И. К. Класифікація прислівників за значенням / И. К. Кучеренко // Укр. мова в школі. – 1954. – № 6. – С. 3–10.
4. Ощипко И. Й. Семантична структура предикативних прислівників / И. Й. Ощипко // Вісник Львівського ун-ту. – Львів, 1991. – Вип. 21. – С. 59–63. – (Серія філологічна).
5. Абдулькадыр М. Къаваид-и лисан-и тюркий (Правила тюркского языка) / М. Абдулькадыр. – Бахчисарай : Терджиман, 1914. – 69 с.
6. Самойлович А. Н. Опыт краткой крымскотатарской грамматики / А. Н. Самойлович. – Петроград : Репринт изд-во, 1916. – 104 с.
7. Бекторе Ш. Татарджа сарф, нахв / Шефкъий Бекторе. – Тотайкой : Татар окъув ишлери, 1923. – 113 с.
8. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде. – Акъмесджит : Кърымдевнешр, 1925. – 187 с.
9. Къуртмоллаев Э. А. Татар тилининъ грамматикасы. I къысым. Фонетика ве морфология / Э. А. Къуртмоллаев. – Кърым АССР : Девлет нешрияты, 1940. – 212 с.
10. Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей / А. А. Юлдашев. – М. : Наука, 1972. – 240 с.
11. Ганиев Ф. Г. Образование сложных слов в татарском языке / Ф. Г. Ганиев. – М. : Наука, 1982. – 150 с.
12. Меметов А. М. Крымтатарский язык : в 2-х ч. – Ч. 2 : Морфология / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 2003. – 288 с.
13. Алядин Ш. Иблисинъ зияфетине давет / Шамиль Алядин. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1979. – 216 с.
14. Ипчи У. Икяелер / Умер Ипчи. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебият ве санъат нешрияты, 1972. – 207 с.
15. Шемъи-заде Э. Козьяш дивар / Эшреф Шемъи-заде. – Акъмесджит : Таврия, 1993. – 128 с.

КЪЫРЫМТАТАР ТИЛИНДЕ МАТБУАТ ТЕРМИНЛЕРИНИНЪ ОГРЕНИЛЮВ МЕСЕЛЕСИ

Кримськотатарська журналістика налічує більш ніж вікову історію, проте спеціальна термінологія, яка використовується у цій галузі, до цього часу не була предметом серйозних наукових досліджень. У статті аналізуються різні аспекти даного питання: 1) проблема вивчення журналістської термінології в кримськотатарській мові; 2) шляхи розвитку цієї галузі національного мовознавства.

Ключові слова: кримськотатарська журналістика, термінологія журналістики, національні ЗМІ, термінологічний словник, журналістська лексика, публіцистичний стиль.

Крымскотатарская журналистика насчитывает более чем вековую историю, однако специальная терминология, которая используется в данной области, до сих пор не была предметом серьезных научных исследований. В статье анализируются различные аспекты данного вопроса: 1) проблема изучения журналистской терминологии в крымскотатарском языке; 2) пути развития данной области национального языкознания.

Ключевые слова: крымскотатарская журналистика, терминология журналистики, национальные СМИ, терминологический словарь, журналистская лексика, публицистический стиль.

Crimean Tatar journalism has more than a century old history but special terminology used in that field has never been a subject of serious research. In this article different aspects of the problem are investigated: 1) problem of learning journalism terminology in Crimean Tatar language; 2) the ways of further development this branch of national linguistics.

Key words: Crimean Tatar journalism, journalism terminology, national mass media, a dictionary of terminology, journalism vocabulary, publicistic style.

Меселенинъ къоюлувы. Янъы технологияларнынъ гурьдели илерилеви мунасебетинен 20-нджи асырнынъ экинджи ярысында алимлир янъы «информацион джемиети» назарисини огге сюрдилер [1]. Бу девирде матбуат, радио, телевидение, сонъки йылларда исе – электрон неширлернинъ ролю арта. Журналистика айры статускъа малик олып, джемиетнинъ ичтимаий аятындаки энъ эмиетли адиселерни ве тиль инкишафы саасындаки земаневий тенденцияларны акс эттире. Бу мунасебетнен кутълевий матбуат васталарынынъ иши кейфиетли олмасы ичюн махсус терминология системасынынъ чалышмасы лязим.

Эдебиятнынъ талили. Къырымтатар халкъы ватанына къайткъан сонъ ве бунынъ не-тиджесинде этник матбуатынынъ фааль илерилеви саесинде, 1980-нджи сенелернинъ сонъларында, къырымтатар тилинде журналистика терминлерининъ шекилленюв проблемасы гъает актуаль олды. Авдет девиринде миллий терминология меселелери А. Эмирова [2], Э. Гъаниева [3; 4], И. Керимов [5] ве дигерлери тарафындан огренилды. Къырымтатар тилинде журналистика терминлери Э. Меметова [6], Р. Муедин [7; 8], Л. Селимоваларнынъ [9] ишлеринде талиль олунды. Лякин бу проблема джиддий ильмий араштырмаларны талап эте.

Макъаленинъ макъсады – къырымтатар тилинде журналистика терминологиясынынъ

огренилювини талиль этмек эм де миллий тильшынаслыкъ илимининъ бу саасынынъ инкишаф ёлуны бельгилемек.

Эсас малюматнынъ ачыкъланувы. Терминология системасынынъ шекиллендириливи ильмий араштырмаларны отькермек ве махсус лугъатларны азырлап нешир этмектен ибареттир. Филолог-алимлирнинъ берген малюматларына коре, ильки къырымтатар терминология лугъатларынынъ пейда олуву кечкен асырнынъ 30-нджи сенелерине аит. Миллий тильшынаслыкънынъ бу ёнелиши гурьдели инкишаф эткен шу девирде бир къач йыл девамьнда тиль, эдебият, математика, физика, джогъграфия, химия, биология ве бир сыра дигер фенлер боюнджа ондан зияде терминология китаплары неширге азырланды [10]. Тильшынаслыкъ фенининъ бу ёнелишининъ илериде инкишаф этюви акъкъында сёз юрсетир экенмиз, миллий терминшынаслыкъ боюнджа эсерлер тек 1990-нджи сенелернинъ башында пейда олгъаныны къайд этмелидир. Дженк эм де къырымтатар халкъынынъ сюрюн этилюви илимининъ токътап къалувына себепчи олдылар. 1991–1994 сенелери дженктен эвель азырлангъан лугъатлар ишленип гъайрыдан дердж этилдылер [11]. Корюмли филолог У. Куркчининъ, ондан да гъайры земаневий алимлирнинъ лингвистик терминология боюнджа эсерлери дюнья юзюни корьди [12–15]. Бу сырада укьукъ, тыббият, диний, арбий лекси-

каны кьаплап алгъан лугъатларнынъ кьайд этиловини льяйкъ деп таныймыз [16–19]. Лякин бир асырдан зияде тарихкьа малик олгъан кьырымтатар журналистикасы боюнджа бу вакъыткъадже бир дане биле лугъат дердж этильмеди.

Филолог-алимлер дефаларджа бу меселени кунь тертибине кьойдылар. 1992 сенеси июнь 17–21 куньлери Акъмесджитте «Кърымтатар тили: латин элифбесине кечюв проблемалары» мевзусунда халкъара ильмий-амелий конференция отькерильди. Алимлер тарафындан янъы графиканен бир сырада терминология меселелери де музакере олунгъан эди. Ш. Асанов озь марузасында бутюн сааларгъа аит терминология лугъатларыны тертип этиов боюнджа ишни башламакъ кереклигини кьайд этти [20]. К. Мусаев, кьырымтатар терминшынаслыгъынынъ земаневий вазиятини талиль этерек, бир кьач эсас меселе устюнде токъталды: 1) язма эдебий тили къулланылувынынъ даиресини ве онынъ хызмет этиов сааларынынъ имкянларыны кенишлетюв; 2) «саалар боюнджа термин системаларыны ишлеп чыкъув ве янъы терминлер яратув»; 3) эвельден мейдангъа кетирилген терминлер системаларыны мукеммеллештирюв; 4) терминлерни чешит аспектлерде огренюв: лингвистик, функциональ, мантыкъий, тарихий ве ил. [21]. Ильмий-амелий конференция резолюциясынынъ метнинде ашагъыдаки эсас вазифелерни чезе биледжек кьырымтатар терминологиясы боюнджа махсус комиссия мейдангъа кетирилювининъ зарурлыгъы кьайд этильди: «а) саалар боюнджа терминлер лугъатларыны ишлеп чыкъмакъ; б) терминлер банкыны мейдангъа кетирмек; в) терминлерден файдаланув узеринден незарет япмакъ» [22].

1997 сенеси Къырым девлет муэндислик-педагогика институтунда (шимди – Къырым муэндислик-педагогика университети) миллий тильшынаслыкъ илимининъ тарихында ильки кере «Къырымтатар лугъатчылыгъынынъ актуаль меселелери» мевзусунда конференция отькерильди. Бу форумда такъдим этильген марузаларнынъ бириси толусынен терминлер меселесине багъышлангъан [23]. 2010 сенесининъ башында кьырымтатар тили, эдебияты, тарихы ве бедий медениетининъ ильмий-араштырув меркезинде етекчи филологларнынъ иштирагинен бир сыра топлашувлар олып кечти. Бу отурышларнынъ нетиджеси оларакъ комиссия тешкиль этип, кьырымтатар тилининъ умумий терминология лугъатыны мейдангъа кетирмек киби кьарар да кьабул олунды.

Махсус эдебияттан марум олгъан кутълевий матбуат васталарынынъ хадимлерине озь ишлеринде украиндже-къырымтатарджа, кьырымта-

тарджа-украиндже лугъаттан файдаланмаларыны тевсие этмек мумкюн. Мезкюр эсерде журналистика лексикасынынъ айры бир кьысымы бу фенге якъын олгъан филология ве информатикагъа аит болюклерде такъдим этильген [24].

1930-нджы сенелернинъ матбуатыны талиль эткен тедкъикъатчылар большевиклер сиясетининъ тесири алтында бир чокъ кьырымтатар терминлери ве адий сёзлер суный суретте рус эквивалентлерге денъиштирилгенини кьайд этелер [5, с. 138]. Бугуньки куньде кьырымтатарлар арасында экиллилик, яни билингвизм, адисеси кечкен асыргъа нисбетен кенишче такъдим олунмакъта. Инсанлар лакъырдыда рус, озьбек ве украин сёзлери эм де ибарелерини къулланалар [25]. Бу, кутълевий матбуат васталарында акс этильгени табиийдир, чюнки «журналистиканынъ тили джемиет тилининъ гъает джанлы нумюнесидир» [1].

Къырымтатар матбуатыны козьден кечирген мутехассыслар рус калькалары чокъ расткельгенини бильдирелер. Оларнынъ фикириндже, журналистлер «къырымтатарджа бир метн азырлагъанда рус тили нормаларына садыкъ къалмагъа ант эткен киби тырышалар». Л. Селимова тенкъидий макъалесинде джумле тизювде, сёзлер ве ибарелерни къулланувда кутълевий матбуат васталарынынъ хадимлери тарафындан энъ зияде ёл берильген хаталарны мисаль кетире [9]. Бундан гъайры, тюрк тилининъ тесири де сезиле. Месея, рус тилинден алынган *газета*, *проблема* сёзлери чокъусы *газет*, *проблем* шекилинде къулланылалар. Тедкъикъатчыларнынъ фикириндже, девирий матбуатта, радио ве телевидениеде сёзлернинъ лексик ве грамматик маналарынынъ янълыш ишлетилюви, айны лексемаларнынъ чешит-тюрюлю язылувы расткеле [26].

1990-нджы сенелернинъ башында бир сыра кутълевий информатив васталарында чешит-тюрюлю язылган алтмышкьа якъын сёзнинъ имлясы бир тертипке кетирильди ве бу джедвель матбуат саифелеринде ерлештирильди [27]. Амма бугуньге кьадар газета ве меджмуаларда бир сыра сёзлернинъ эки ве экиден зияде вариантынынъ параллель шекильде къулланылувына ёл бериле.

Журналистика терминологиясы бу вакъыткъадже ильмий джеэттен талильнинъ мустакъиль бир объекти олмады. Бир сыра эсерлер бу проблеманынъ айры тарафларыны акс этелер. Р. Муедин тенкъидий макъалесинде «Янъы дюнья» ве «Къырым» газеталарынынъ саифелеринде бир маналы сёзлер чешит-тюрюлю язылганыны косътерип, *муарриует* сёзюни мисаль оларакъ кетире. Биринджи неширде *муарриует*, экинчисинде – *муарует* варианты

ишлетиле [7, с. 156]. Озь небетинде, С. Сулейман бу лексик бирдемликнинъ имлясыны онынъ этимологиясынъ багълай: *муарририет* сёзю *муаррир* исиминден келип чыкъа [28]. Бундан да гъайры, арап сёзюнден алынып, 'текст' манасында къулланылгъан *метн* – *метин* лексемалары устюнде мунакъшашалар алып барыла [8, с. 174; 28].

Къырымтатар тилинде морфологик усулнен сёз япылувыны огренген мутехассыслар бир сыра исимлер матбуатнынъ актив лексикасына аит олгъаныны къайд этелер [29, с. 66].

Журналистика терминологиясыннынъ умумий меселелери Э. Меметованынъ базы эсерлеринде бакъыла. «Къырымтатар тилининъ услубиети» китабында муэллиф публицистик услубининъ лексикасыны эки группагъа боле. Биринджисини газеталарнынъ тили, публицистиканынъ махсус терминологиясы, ондан да гъайры ичтимаий-сиясий терминлер тешкиль этелер. Эмоциональ ренкни ташыгъан лексика экинджи группагъа аит [30, с. 99–127]. Журналист къайсы публицистик жанрында чалышкъанына коре, материалларны берюв усулы эм де ишлетилген лексика да деньише. Тедкъикъатчы публицистиканынъ макъале, интервью, хроника, репортаж, рецензия, фельетон киби ве диг. жанрларыны козьден кечирип, «Янъы дюнъя» эм де «Къырым» газеталарындан алынгъан макъалелернинъ парчаларыны мисаль кетире. Алимнинъ эсеринде земаневий къырымтатар кутълевий матбуат васталары тарафындан къуллангъан журналистика терминологиясы кениш суретте акс олуна: *газета*, *меджмуа*, *телейын*, *мухбир* ве ил.

Бойлеликнен, къырымтатар тилинде журналистика терминологиясы огренилювининъ талли миллий лингвистиканынъ бу ёнелиши аман-аман огренильмегини косьтере. Къырымтатар филологиясы саасындаки адиселерни козеткенде, журналистик терминологиянынъ илерилеви ичюн назарий джеэттен етерли дерджеде темель къоюлгъаныны корьмек мумкюн. Терминлер банкыны топламакъ, кутълевий матбуат васталары ичюн эвельден мейдангъа кетирилген махсус лексиканы мукеммеллештирмек ве, керек олгъан такъдирде, янъы сёзлерни ишлеп чыкъмакъ лязим.

Къырымтатар тилининъ латин элифбесине кечюви мунасебетинен янъы имля къаиделерининъ ишлеп чыкъылувы гъает актуаль меселе олмакъта.

Матбуат лисанны сакълап къалувда кучьлю факторлардан бирисидир. Бизим фикиримиздже, журналистика терминологиясы къырымтатар тили газета-публицистик услубининъ оптимизациясына хызмет эте билер.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Александрова О. В. Язык средств массовой информации как часть коллективного пространства общества [Электронный ресурс] / О. В. Александрова. – Режим доступа : evartist.narod.ru/text12/07.htm.
2. Эмирова А. М. Крымскотатарская филология: современное состояние и перспективы развития / Адиле Мемедовна Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 74–79.
3. Ганиева Е. С. Кримськотатарська лінгвістична термінологія: історія та сучасний стан : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.13 «Мови народів Азії, Африки, аборигенних народів Америки та Австралії» / Єміне Сулейманівна Ганієва. – К., 2008. – 20 с.
4. Ганиева Э. Къырымтатар терминологиясыннынъ инкишаф ёллары / Эмине Ганиева // Ёылдыз. – 2009. – № 3. – С. 107–110.
5. Керим И. А. Къырымтатар тилинде табиий фенлер боюнджа дженктен эвельки базы неширлер / И. А. Керим // Ёылдыз. – 2007. – № 6. – С. 135–148.
6. Меметова Э. Къырымтатар тили системасында публицистика услубининъ туткъан ери ве хусусиетлери / Эдие Меметова // Ёылдыз. – 2005. – № 1. – С. 108–114.
7. Муедин Р. Аллах бизге акъыл-фикир берсин / Рустем Муедин // Ёылдыз. – 2007. – № 5. – С. 154–159.
8. Муедин Р. Дуам къабул олунмады / Рустем Муедин // Ёылдыз. – 2008. – № 6. – С. 173–178.
9. Селимова Л. Миллий телейынларымыз ве радиомызда энъ чокъ кечкен тиль хаталары / Леняра Селимова // Янъы дюнъя. – 2008. – № 15. – С. 3.
10. Библиографический указатель печатных книг, статей и произведений на крымскотатарском языке: 1618–1944 гг. / [сост. И. А. Керим]. – Симферополь : Симферопольская городская типография, 2009. – 324 с.
11. Эмирова А. М. Крымскотатарская лексикография: современное состояние и перспективы развития / Адиле Мемедовна Эмирова // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 1998. – № 3. – С. 293–296.
12. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты / [сост. А. Эмирова и др.]. – Симферополь : Сонат, 2001. – 64 с.
13. Къырымтатар тилинде русча къаршылыкълары иле грамматика терминлери лугъаты / [сост. У. О. Куркчи]. – Симферополь : РИА «Аян», 2008. – 64 с.
14. Къырымтатар тильшынаслыкъ терминлери ве металингвистик бирлемлерининъ лугъаты / [сост. Э. С. Ганиева]. – Симферополь : Къырымдевокъувпеднешир, 2008. – 84 с.
15. Тиллерге огретюв усулиетинден русча-украиндже-къырымтатарджа ыстылат лугъаты / [сост. Р. Р. Девлетов]. – Симферополь : Доля, 2003. – 175 с.
16. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка: (терминология правовой сферы) / [сост. О. Д. Рустемов]. – К. : Общество «Знание» Украины, 2001. – 40 с.

17. Русско-крымскотатарский медицинский словарь / [сост. М. О. Люманов]. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2006. – 520 с.
18. Словарь религиозных терминов, связанных с мусульманским вероучением / [сост. С. М. Усеинов]. – Симферополь : Тезис, 2009. – 124 с.
19. Русча-кырымджа арбий лугъат / [сост. М. О. Люманов]. – Симферополь : Кырымдевокъувпеднешир, 2008. – 320 с.
20. Асанов Ш. Лугъатчыларымызнынъ кечиктирильмейджек ваифелери акъкъында / Шевкет Асанов // Янъы дюнъя. – 1992. – № 26. – С. 6.
21. Мусаев К. Кырымтатар терминологиясы акъкъында / К. Мусаев // Янъы дюнъя. – 1992. – № 33. – С. 4.
22. Кырымтатар тили: латин элифбесине кечюв проблемалары боюнджа халкъара ильмий-амелий конференциянынъ резолюциясы // Янъы дюнъя. – 1992. – № 26. – С. 3.
23. Асанов Ш. Тилимиз – энъ кыйметли вариетимиз / Шевкет Асанов // Янъы дюнъя. – 1997. – № 48. – С. 4.
24. Українсько-кримськотатарський, кримськотатарсько-український словник термінології для загальноосвітніх навчальних закладів з навчання мовами національних меншин / [уклад. Л. С. Богдан та ін.]. – Чернівці : Букрек, 2009. – 512 с.
25. Селимова Л. Тюркий халкъларда экитиллилик (билингвизм) / Ленира Селимова // Йылдыз. – 2006. – № 6. – С. 129–142.
26. Тукътаров У. Баш муаррирлер къайда бакъалар, аджеба? / У. Тукътаров // Янъы дюнъя. – 2010. – № 12. – С. 6.
27. Акъмоллаев Э. Сёзлер тиль къанунлары ве имля къаиделерининъ принциплерине бойсунмалылар / Энвер Акъмоллаев // Йылдыз. – 1995. – № 1. – С. 175–178.
28. Сулейман С. Эдебий тиль – эбедий тиль / Сейран Сулейман // Янъы дюнъя. – 2004. – № 35. – С. 5.
29. Берберова Р. Кырымтатар ве рус тиллеринде чифт филь ве зарфларнынъ базы бир хусусиетлери / Ремзи Берберова // Йылдыз. – 2005. – № 3. – С. 55–68.
30. Меметова Э. Ш. Кырымтатар тилининъ услубиети (стилистика) / Эдие Шевкетовна Меметова. – Симферополь : Кырымдевокъувпеднешир, 2001. – 144 с.

УДК 811.512.145

Ганиева Э. С.

КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ В ДИНАМИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

У статті дається опис становлення кримськотатарської лінгвістическої термінології довоєнного періоду, а також вказані джерела, які можуть бути корисні при вивченні даної проблеми.

Ключові слова: *термін, терміносистема, лінгвістичний термін, лінгвістична термінологія, заповнення, структурні типи термінологічних одиниць, термінологічний словник.*

В статье дается описание становления крымскотатарской лингвистической терминологии довоенного периода, а также указан круг источников, которые могут быть полезны при изучении данной проблемы.

Ключевые слова: *термин, терминсистема, лингвистический термин, лингвистическая терминология, заимствования, структурные типы терминологических единиц, терминологический словарь.*

The article deals with the description of formation of crimeantatar linguistic terminology of pre-war period. Some references which would be useful while studying this problem have been suggested.

Key words: *term, system of terms, linguistic term, linguistic terminology, loan word, the structural types of terminological units, terminological dictionary.*

Постановка проблемы. Современное языкознание подвергает сомнению возможность адекватной характеристики синхронной системы языка без обращения к ее истории [1, с. 136]. Как отмечают исследователи, принцип историзма в методологии языкознания «предполагает преимущество, связь прошлого и настоящего, ибо новое в науке никогда не бывает отрицанием прошлого, а лишь существенным изменением, углублением и обобщением в соответствии с современным состоянием науки» [2, с. 3]. Именно диахроническое исследование позволяет понять, как сложилась данная языковая система.

Поэтому охарактеризовать современное состояние и выявить перспективы развития лингвистической терминологии крымскотатарского языка невозможно без оценки вклада, который внесли языковеды прошлого в развитие данной проблемы, и значения их концепции для науки в целом. Этим объясняется необходимость исторического экскурса – определения и изучения истоков лингвистической терминологии, основных этапов развития терминсистемы, характера языковой политики в тот или иной период.

Анализ литературы. По крымскотатарской научной, в том числе и языковедческой, терми-

нологии на сегодняшний день нет целостных исследований. Не изучены теоретические проблемы лингвистической терминологии, ее формирование и развитие, динамика данной терминосистемы. Существуют материалы Всекрымских языковых конференций 20–30 гг. XX в., на которых обсуждались принципы формирования крымскотатарской терминологии [3]. Отдельные вопросы затрагивались и освещались в работах Б. Чобан-заде [4; 5], а также в трудах современных крымскотатарских ученых А. М. Меметова [6, с. 22–29], А. М. Эмировой [7], К. А. Усеинова [8, с. 163–166], посвященных общим вопросам крымскотатарской научной терминологии. Однако теоретические проблемы лингвистической терминологии крымскотатарского языка, история ее становления, источники пополнения, способы образования терминов, закономерности дальнейшего развития и совершенствования данной терминосистемы до сих пор специально не исследованы.

Целью данной статьи является описание основных периодов развития крымскотатарской лингвистической терминологии до 40-х годов прошлого столетия, а также определение значения терминологических дискуссий 20–40 годов для развития крымскотатарской терминологии.

Изложение основного материала. Представляется, что в настоящее время базой для изучения данной проблемы могут служить такие общетюркские памятники письменности, как известный лингвистический труд Махмуда Кашгарского «Дивану Лугъати-т тюрк» («Собрание тюркских наречий») (годы написания – 1072–1083), в котором употребляются первые грамматические термины арабского и персидского происхождения [9, с. 17–18], старейший памятник крымскотатарского языка XIII века «Кодекс Куманикус», а также арабско-кыпчакские памятники мамлюкского Египта XIII–XV веков, в том числе и целый ряд словарей [10, с. 72–73]. Среди последних следует особо отметить известное произведение Абу-Хайяна¹, написанное в Каире в начале XIV в., «Китабу’-ль-идрак ли-лисану-ль атрак» («Книга знаний о языке тюрков»).

Необходимо указать, что данные памятники, рассматриваемые в тюркологической литературе как словари, содержали кроме словарной ещё и самостоятельную грамматическую часть. Так, в указанном труде Абу-Хайяна в таком разделе изложена авторская интерпретация основных положений лингвистики. Ученый выделяет три направления в изучении языка: наука о слове,

наука о флектировании, т. е. об изучении особенностей отдельных слов до слияния их в словосочетание, и наука о связной речи, т. е. об изучении особенностей словосочетаний. Автор обращает внимание и на закономерность зависимости фонетического варианта аффикса от фонетического характера корня слов в тюркском языке [11, с. 82].

В указанной работе, как и в других арабоязычных грамматиках тюркского языка того времени, исследование шло в одном направлении: от позиций готовой системы арабской грамматики к фактам тюркского языка и далее «к видоизменениям этой системы сообразно особенностям тюркского языка» [11, с. 84]. Естественно, что и лингвистические термины, употребленные в данных грамматиках, являлись арабскими заимствованиями. Например, в труде Абу-Хайяна при описании грамматических особенностей тюркского языка используются такие термины арабско-персидского происхождения, как *’илму-л-лугъат* ‘наука о слове’, *’илму-т-тасриф* ‘наука о флектировании’, *’илму-и-нахф* ‘наука о связной речи’ и др. [11, с. 82].

К сожалению, указанные труды до сих пор не изучены должным образом крымскотатарскими исследователями.

Грамматические термины встречаются и в лингвистических трудах известного ученого и поэта средневековья А. Навои. В его научном наследии представляет особый интерес трактат «Мухакамат ал-лугъатайн» («Суждение о двух языках»), в котором изложены взгляды исследователя на место тюркского языка в литературном творчестве [12, с. 143–154]. Основная цель труда – показать совершенство тюркского языка, практически ни в чем не уступающего персидскому. Ученый дает сведения о фонетике, лексикологии, словообразовании и морфологии тюркских языков, проводит интересные грамматические сопоставления [13].

Следует отметить, что поэтические и лингвистические труды А. Навои, а также его предшественников и современников, повысили интерес к чагатайскому языку у представителей многих народов тюркоязычного Востока. Появились различные словари, помогающие овладеть данным языком [14, с. 72–73]. Использование этих словарей затруднял арабский алфавит, который не отражал особенности фонетической системы тюркских языков. Для этого были введены специальные лингвистические термины, без понимания которых трудно было использовать восточные словари. Например, для правильной передачи фонетической структуры слова использовались термины *ишба* (для характеристики узких и широких гласных), *му’джам* и

¹ Полное имя – Абу-Хайян Мухаммед бине, Юсуф бине, Али бине, Юсуф бине, Хайян ал Гарнати (Ал-Андалузи).

мухмал (для указания на чтение и произношение согласных, различающихся диакритическими знаками при совпадении графической формы). [14, с. 71]. Изучение лингвистических терминов, употребленных в данных трудах, будет способствовать правильному чтению памятников письменности.

Заслуживают особого внимания лингвистические труды крымских ученых периода Крымского ханства. Подтверждением тому может служить научный труд известного крымского ученого XVII века Эбуль-Бека Мухибуддин Эйюба Кефеви (1619–1684) «Эль-Куллият» («Собрание») [15, с. 298], являющийся словарем терминов, которые использовались в мусульманских религиозных науках (хадисоведении, юриспруденции (фикх), богословии (калам), экзегетике (комментарии Корана), а также философии, логике и грамматике². О значимости этого труда и его популярности в научном мире свидетельствуют многократные издания словаря. В XIX–XX веках он был издан в общей сложности 10 раз: трижды – в Египте (1837; 1839; 1864–1865); дважды – в Стамбуле (1861–1862; 1869–1870); дважды – в Тегеране (1867–1868; 1869–1870); издание с критическими замечаниями в Дамаске (1975–1976; 1981–1982) и, наконец, совсем недавнее Бейрутское издание 1992–1993 гг. Из авторских комментариев выясняется, что при работе над словарем использовалось более 180 источников – классических произведений по исламским религиозным наукам, грамматике и риторике. И это далеко не единственный труд крымскотатарских авторов, в которых они касались лингвистических вопросов.

Появление таких исследований представляется естественным, поскольку арабская и возникшая на ее основе османская (турецкая) грамматика с разработанным терминологическим аппаратом занимали одно из наиболее важных мест в программе мусульманских, в том числе и крымских, медресе.

О значимости филологических наук в области просвещения периода Крымского ханства свидетельствуют многочисленные списки разного рода грамматических сочинений и словарей, сохранившиеся до наших дней, в частности, в собрании старопечатных рукописных книг Ханского дворца-музея. О содержании этой коллекции может дать представление описание ее фрагмента, переданного в 1976 г. в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Сал-

² Это произведение стало темой докторской диссертации турецкого ученого М. Халиль-Чичека, защита которой состоялась в Турции в 1992 г.

тыкова-Щедрина в Ленинграде и опубликованного О. В. Васильевой и В. В. Лебедевым в статье «Бахчисарайское собрание восточных рукописей» [16].

Как отмечают авторы статьи, из 122 рукописей наибольшее количество (вслед за рукописями по фикху (мусульманское право) – 33 сочинения) относится к трудам по грамматике – 27 рукописей. «Это объясняется, – замечают авторы, – серьезным вниманием, уделявшимся фикху и грамматике в мусульманских училищах. Многие сочинения этих жанров представлены в собрании несколькими списками, что свидетельствует об их популярности» [16, с. 133–134].

В этой же статье дается описание некоторых произведений, среди которых хотелось бы отметить трактат крымского автора XVIII века Мухаммеда ибн Абду-рахима ибн Ибрахима ал-Кырыми, представляющий собой супракомментарий к комментарию Абд ал-Гафара ал-Лари к учебнику арабской грамматики великого таджикского поэта Абдурахмана Джами³ (год написания 1748).

Наличие такого количества лингвистически значимых трудов свидетельствует о существовании сложившихся лингвистических традиций в крымскотатарском языке уже в период Крымского ханства. Значимая часть этих трудов обнаружена исследователями в Рукописном отделе и Отделе литератур стран Азии и Африки Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург) и опубликована в «Указателе рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную Публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина» [17, с. 88].

Следует выделить период конца XIX – начала XX вв., который условно назван периодом газеты «Герджиман» («Переводчик»), когда под началом великого просветителя и гуманиста И. Гаспринского началась реформа народного образования. И. Гаспринский и его единомышленники ввели новый метод в обучении – звуковой метод, при котором каждой букве алфавита соответствовал определенный звук. Для успешного внедрения этого метода просветитель создал ряд учебников и методических пособий, среди которых следует отметить учебник по грамматике родного языка «Сарф-и тюркий» («Тюркская грамматика») [18]. В этом учебном пособии, адресованном учителям и учащимся мектебе (начальная школа), кратко изложены сведения

³ Абдурахман Джами (1414–492) – известный поэт и мыслитель, написавший учебник по синтаксису арабского языка.

об основных частях речи (именах существительных, числительных, прилагательных и глаголах) и их грамматических категориях, даны общие сведения о членах предложения. Следует отметить, что «Сарф-и тюркий», как и другие арабографические труды этого периода, создавались под влиянием арабского языка. Как известно, вплоть до начала XX века в тюркских грамматиках в основном использовалась заимствованная арабская терминология.

Интересным материалом для исследования лингвистической терминологии, на наш взгляд, может стать и библиография к «Научной грамматике крымскотатарского языка» известного крымскотатарского ученого-тюрколога Б. Чобан-заде [4, с. 90]. В своей работе автор ссылается на источники, в которых можно найти сведения по тюркским грамматикам, написанным в конце XIX – начале XX вв. такими учеными, как М. Абдулкадыр, Хусейн Джахид, Мехмед Тевфик, Яхья-Наджи Байбуртлы, Шевкий Бекторе и др. К сожалению, научное наследие вышеуказанных авторов практически недоступно современному читателю, поскольку труды написаны арабским письмом и сохранились в считанных экземплярах.

Сложным этапом в развитии крымскотатарского языкознания являются 20–30-е годы XX в., когда произошла кардинальная переориентация в национальной культуре в целом, в том числе и в литературном языке. Арабская письменность была заменена на латинскую, а затем на кириллическую. Наряду с этим была реформирована и научная терминология.

На Всекрымских лингвистических конференциях (1927, 1928, 1929, 1934 гг.) и на I Всесоюзном тюркологическом съезде, состоявшемся в Баку в 1926 г., вопросы терминологии были особо актуальными. Видные тюркологи, деятели науки и просвещения пытались определить принципы образования научной терминологии в тюркских и, в частности, в крымскотатарском языках. По отношению к литературному языку в среде тюркоязычных ученых в этот период выделялось четыре основных течения, представители которых условно назывались панисламитами, европеизаторами, народниками и пантюркистами. Первые являлись сторонниками сохранения арабско-персидских терминов и дальнейшего пополнения лексики за счет заимствований из арабского языка; вторые придерживались идеи введения русских и европейских заимствований в язык; третьи считали необходимым создание терминов от корней народного языка, пусть даже искусственным способом; и, наконец, четвертые, в их числе Б. Чобан-заде и его сторонники, выступали за создание единой

научной терминологии для всех тюркских языков [19, с. 186].

В своем выступлении на I Тюркологическом съезде Б. Чобан-заде указывал на три основы для создания терминов в тюркских языках: общетюркскую, арабско-персидскую и европейскую. Для выработки унифицированного тюрко-татарского языка он предлагал создать общетюркское научное бюро, которое занималось бы изучением трудов классиков европейской филологии с целью использования этого опыта в тюркологии [19, с. 190–193].

Сторонники очистки языка от арабских и персидских заимствований считали необходимым оставить только такие научные термины арабско-персидского происхождения, которые выражали религиозные понятия. Однако на II Всекрымской научно-орфографической конференции было принято решение о полном изъятии из литературного языка арабских и персидских заимствований и запрете их использования в терминосистеме крымскотатарского языка [3, с. 54–55].

Шла борьба между сторонниками сохранения национальной культуры и специфических особенностей языка (Б. Чобан-заде, Ш. Бекторе, С. Айвазов, А. Лятиф-заде и др., которых в дальнейшем обвинили в пропаганде буржуазно-националистической идеологии) и сторонниками так называемой социалистической культуры, которые были ориентированы на русско-татарское двуязычие. Если на II Всекрымской конференции по крымскотатарскому языку были предложены такие основные пути дальнейшего пополнения терминосистемы крымскотатарского языка, как использование готовых лексических единиц родного языка, международных языковых единиц и арабско-персидских заимствований, уже освоенных языком, то к середине 30-х годов, когда языковая политика заметно изменилась, при разработке терминов особо подчеркивалась роль интернациональных слов и советизмов. Как отмечают исследователи, в этот период в крымскотатарский язык хлынул поток русских заимствований, в том числе словообразовательных моделей, калек и полукалек [20, с. 20].

Неразрывной частью борьбы, шедшей вокруг языка и языковой политики, были споры относительно грамматических терминов. Все дореволюционные грамматики были признаны грамматиками языка тюрко-татарской буржуазии и духовенства. Активно разрабатывались учебники и учебные пособия нового образца. Во вновь созданных учебниках и пособиях по крымскотатарскому языку арабско-персидские термины (кроме укоренившихся в языке) были

заменены словами общетюркского происхождения и заимствованиями из русского, и посредством русского, из других языков интернациональными словами, например: *сайт, саите – созукъ сес* (гласный звук), *сарф – грамматика, нахв – синтаксис* и др. В этот же период в крымскотатарский язык без учета его специфических особенностей были внедрены характерные для европейских языков словообразовательные аффиксы, например, *-изм, -логия, -ация, -ист: сингармонизм, фразеологизм; артикуляция, ассимиляция, классификация; лексикология, семасиология* и др.

В 30–40-х годах была издана серия терминологических словарей по различным дисциплинам – математике, физике, химии и др., в том числе и «Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию» (Тиль ве тиль бильгиси терминлери лугъаты) [21]. Количественный и качественный анализ терминов, зафиксированных в данном словаре, показывает следующее:

1. Словарь является двуязычным переводным словарем. Он содержит около 1,5 тысяч терминологических единиц.

2. Русские термины переведены на крымскотатарский язык следующими способами:

- заимствование готовых терминологических единиц международного фонда: *архаизм – архаизм, диалект – диалект, синоним – синоним, гармония гласных – созукъларнынъ гармониясы, диктант контрольный – контроль диктанты* и др.;
- калькирование: *двуязычие – эки тиллилик, взрывные согласные – патлайыджы тутукълар* и др.;
- использование общетюркской лексики: *определение – айырыджы, числительное – сайы* и др.

3. Термины, представленные в словаре, в основном охватывают такие теоретические области крымскотатарского языка, как фонетика и морфология, реже встречаются термины по лексикологии и синтаксису и практически отсутствует терминология фонологии и семасиологии (очевидно, вследствие неразработанности этих областей языкознания в тот период).

Термины, зафиксированные в вышеуказанном словаре, а также представленные в учебниках и пособиях по языку, изданных в 30–40-х годах, за небольшими изменениями (например: *надеж* в вышеуказанных изданиях – *ал*, в современном крт. – *келши; однокоренное слово – сёз къорантасы*, в соврем. – *тамырдаш сёз* и др.) легли в основу современной крымскотатарской терминологии.

Таким образом, именно к этому периоду (30–40 годы XX в.) крымскотатарский научный

язык полностью отошел от прежних лингвистических традиций и стал ориентироваться на европейские и русские лингвистические теории.

В период Второй мировой войны и в годы депортации изучение проблем крымскотатарского языкознания, как и других проблем крымскотатарской культуры, было приостановлено. Возобновилась эта работа только в конце 60-х годов после создания в 1968 году отделения крымскотатарской филологии при Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами.

Выводы. Таким образом, лингвистическая терминология крымскотатарского языка является динамически развивающейся системой. Изучение процессов, происходивших в данной системе до 40-х годов XX столетия, может быть полезным при диахроническом исследовании научной терминологии в целом.

В развитии крымскотатарской лингвистической терминологии выделяются следующие периоды: 1) общетюркский период и период Крымского ханства (по 1783 г.); 2) период газеты «Терджиман» и культурно-просветительской деятельности ее издателя и редактора И. Гаспринского (1883–1918 гг.); 3) период реформирования крымскотатарского языка (20–40-е годы XX в.); 4) период 60–80-х гг. XX в.; 5) период стабилизации и совершенствования крымскотатарской лингвистической терминологии на современном этапе.

Первые два из указанных периодов можно назвать этапами стихийного развития терминологии, последующие – организационно-целенаправленного формирования, так как крымскотатарские ученые делали попытки решать проблемы научной терминологии на государственном уровне.

Для формирования крымскотатарской терминологии большое значение имели терминологические дискуссии 30–40 гг. XX столетия, которые заложили основу современной лингвистической терминосистемы языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова Е. С. Диахрония / Е. С. Кубрякова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 136.
2. Березин Ф. М. История лингвистических учений / Ф. М. Березин. – М. : Высшая школа, 1975. – 304 с.
3. Тезисы, доклады и принятые резолюции II Всекрымской научно-орфографической конференции. – Симферополь : Крымгосиздат, 1929. – 56 с.
4. Чобан-заде Б. Къырымтатар ильмий сарфы / Бекир Чобан-заде ; [сост. А. М. Эмирова, Н. С. Сейтягъев ; под общей ред. А. М. Эмировой]. – Симферополь : Доля, 2003. – 240 с.

5. Чобан-заде Б. Тюрк грамери / Бекир Чобан-заде. – Баку : Азернешр, 1929. – 202 с. (лат. граф.)
6. Меметов А.М. Крымтатарский язык. Ч 1. Общие сведения о языке. Ч. 2. Морфология : учебное пособие / А. М. Меметов, К. Мусаев. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2003. – 288 с.
7. Эмирова А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии / А. М. Эмирова // Східний світ. – 2002. – № 1. – С. 75–79.
8. Усеинов К. А. Къырымтатар тили. Фонетика. Лексикология / К. А. Усеинов, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова. – Симферополь : СОНАТ, 2001. – 224 с.
9. Амансарыев Б. Лексико-семантическая и словообразовательная характеристика лингвистической терминологии туркменского языка : автореф. дис. на соискание ученой степ. канд. филол. наук : спец. 10.02.02 / Б. Амансарыев / Академия наук Туркменской ССР. – Ашхабад, 1986. – 25 с.
10. Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков / Н. А. Баскаков. – М. : Высшая школа, 1969. – 383 с.
11. Чайковская А. И. Об арабоязычных грамматиках старотюркского языка / А. И. Чайковская // Советская тюркология. – 1975. – № 6. – С. 77–84.
12. Насилов Д. М. Лингвистические взгляды Алишера Навои / Д. М. Насилов // История лингвистических учений. Средний восток. – Л. : Наука, 1981. – 298 с.
13. Навои А. Суждение о двух языках / Алишер Навои ; [пер. А. Мелеховой] // Навои А. Сочинения в десяти томах. – Т. 10. – Ташкент : Фан, 1970. – С. 107–139.
14. Кадыров Т. Ш. О трех лингвистических терминах словаря «Хуласса-йе Аббаси» Мухаммада Хуваййи / Т. Ш. Кадыров // Советская тюркология. – 1985. – № 1. – С. 71–74.
15. Hulûsi Kilici. Ebûl-Bekâ el-Kefevi // Islâm Ansiklopedisi. Cilt 10. – Istanbul, 1994. – 560 s.
16. Васильева О. В. Бахчисарайское собрание восточных рукописей / О. В. Васильева, В. В. Лебедев // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг : сборник научных трудов / ГПБ. – Л., 1983. – С. 131–139.
17. Указатель рукописных и старопечатных книг, переданных в 1976 г. из Бахчисарайского историко-археологического музея в Государственную публичную библиотеку им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / составление, вступительная статья, комментарии Н. Р. Абдульваапа. – Симферополь : Доля, 2007. – 160 с.
18. Гаспринский И. Сарф-и тюркий / Исмаил Гаспринский. – Бахчисарай : Изд-во типо-литогр. газ. «Терджиман», 1907. – 26 с.
19. Материалы I Всесоюзного тюркологического съезда. – Баку, 1926. – 431 с.
20. Рустемов О. Д. Внешняя и внутренняя лингвистика крымскотатарского языка (Терминология правовой сферы) / О. Д. Рустемов. – К. : Общество «Знание» Украины, 2001. – 40 с.
21. Борковский В. И. Тиль ве тиль бильгиси терминлери (Русско-татарский терминологический словарь по языку и языкознанию) / В. И. Борковский, А. Ислямов. – Симферополь : Крымгосиздат, 1941. – 58 с.

УДК 81'367.626.4

Калугина Т. В.

ВАЛЕНТНОСТЬ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕСТОИМЕННО-СОЮЗНЫХ КОНТАМИНАНТОВ

У статті зроблено порівняльний аналіз синтаксичних ознак займенниково-кон'юнкціональних контамінантів і займенників.

Ключові слова: контамінація, займенник, займенниково-кон'юнкціональний контамінант.

В статье сделан сравнительный анализ синтаксических признаков местоименно-союзных (прономинально-конъюнкциональных) контаминантов и местоимений.

Ключевые слова: контаминация, местоимение, прономинально-конъюнкциональный контаминант.

The comparative analysis of syntactic signs of pronoun-conjunctive contaminants and pronouns is made in the article.

Key words: contamination, pronoun, pronoun-conjunctive contaminant.

Постановка проблемы. Переходные явления, не укладывающиеся в четкие границы, существуют на разных уровнях языка. На морфологическом уровне они представлены трансформантами и контаминантами – словами, совмещающими признаки двух частей речи (термин проф. Е. Н. Сидоренко). В. В. Бабайцева считает, что «системное взаимодействие языко-

вых явлений обуславливает явления переходности в грамматическом строе языка, которые стали одной из актуальнейших проблем современной лингвистики» [1, с. 3].

Анализ литературы. Отдельные гибридные классы слов (причастия, деепричастия) изучались в лингвистике, но теоретическую базу изучения контаминантов заложил А. М. Пешков-

ский, который впервые ввел понятие «смешения» частей речи [2, с. 103–104].

Дальнейшее развитие идеи А. М. Пешковского получили в трудах В. В. Виноградова. Описывая отдельные части речи в монографии «Русский язык (грамматическое учение о слове)», ученый делает попутно замечания и о гибридных случаях [3, с. 218, 222, 237, 313, 324, 325, 347].

Следующим важным этапом в изучении контаминантов стали работы В. В. Бабайцевой [4] и Е. Н. Сидоренко [5].

Цель статьи – описать синтаксические особенности контаминантов, совмещающих признаки местоимений и союзов, и сравнить их с особенностями местоимений.

Изложение основного материала. Рассмотрение так называемых «союзных слов» в грамматике является противоречивым. Хотя постоянно указывается их синтаксическое функционирование в роли союзов, которое относится к дифференциальным признакам класса слов, «союзные слова» не считаются самостоятельной группой слов, а рассматриваются на периферии местоимений. В отдельную группу они впервые выделены в работах Е. Н. Сидоренко.

Местоимения одного прономинативного ряда обладают единой для разных разрядов способностью сочетаться с другими словами в составе словосочетаний, хотя и имеют некоторую специфику. Валентный потенциал прономинально-конъюнкциональных контаминантов во многом близок к потенциалу местоимений. Для сравнения возьмем местоименные ряды с условным началом **кто, что** и местоименно-союзные контаминанты **кто, что**.

Подобно местоимениям, категориально соотносительным с именами существительными, контаминанты **кто, что** имеют минимальную активную валентность и не допускают необособленных определений, выраженных именами прилагательными, причастиями.

Близки к местоимениям контаминанты при реализации пассивной валентности. Они выступают в роли зависимого компонента при глаголах, реже – именах существительных, безлично-предикативных словах. Контаминанты **кто, что** зависят в большинстве случаев от глаголов, реже – от безлично-предикативных слов, причастий, деепричастий, имен существительных: *Все, о чем докладывал начальник штаба, совпадало с тем, что сам видел утром и днём на дорогах движения армии* (Ю. Бондарев).

Сходство контаминантов с местоимениями также в том, что они могут усиливаться при помощи частиц: *Глаза мои забежали, ища, к кому именно я должен двигаться* (В. Солоухин).

КОТОРЫЙ. Валентность слова **который** во многом совпадает с валентностью **кто, что**, ведь он замещает синтаксическую позицию имени существительного и во многом приближается к нему. Активную валентность **который** проявляет в сочетании «контаминант + предлог + имя существительное (местоимение)». По мнению Е. Н. Сидоренко, «такого рода сочетания представляют собой семантическую общность и не членятся при синтаксическом разборе (представляют собой один член предложения)» [5, с. 77].

Пассивная валентность слова **который** проявляется в его зависимости от глагола или имени существительного, иногда – от местоимения, безлично-предикативного слова, краткого страдательного причастия: *С гаубицы, в расчёте которой воевал Андрей, успели всё же снять прицел, свести и замкнуть станины и теперь возились с чехлами* (В. Распутин).

КАКОЙ. Как и контаминанты **кто, что, который**, контаминант **какой** может вступать в отношения включения (**какой из них**). Этот случай является единственным, в котором проявляется активная валентность слова **какой**.

В других случаях пассивная валентность **какой** определяется категориальной соотносительностью. Замещая имя существительное, **какой** зависит от глагола, реже – безлично-предикативного слова, краткого причастия: *Самому тонкому, самому ранимому, самому капризному органу из всех, какие поместил в нас господь-бог, всегда нужна движущая сила* (В. Астафьев). Категориально соотносясь с именем прилагательным, **какой** относится к имени существительному: *Солнце полностью заволкли тучи, трудно было определить, с какой оно стороны* (В. Солоухин).

ЧЕЙ. Категориально соотносясь с именем прилагательным, **чей** сохраняет его способность выступать в роли согласованного определения при имени существительном: *Не уточняя, в чьей палатке они должны ужинать, Лебедков взял чайник в одну руку, разогретую консервную банку в другую и пошёл к себе* (В. Солоухин).

ГДЕ, КУДА, ОТКУДА, КАК, КОГДА, ЗАЧЕМ, ПОЧЕМУ, ОТЧЕГО, СКОЛЬКО, категориально соотносительные с наречием, проявляют только пассивную валентность в словосочетаниях с глаголами, безлично-предикативными словами, краткими причастиями: *Он вскинул глаза к горе, откуда выходит рассвет, и там, показалось ему, темь как бы сыреет, берется мутноватой влагой* (В. Распутин). *При всем том на чердаке, где развешаны и разложены десятки трав, чистота и порядок* (В. Солоухин).

КАК и НАСКОЛЬКО, имеющие значение меры и степени, часто зависят от наречий: *Присев на корточки, я долго наблюдал, как ловко она розовым язычком лакает белое-белое молоко* (В. Солоухин). *Насколько* может зависеть от краткого прилагательного: *Мне трудно судить, насколько он полон* (В. Солоухин).

СКОЛЬКО, категориально соотносительное с числительным, в именительном падеже управляет именем существительным или местоимением: *Он спросил себя, сколько лет живет воробей, прикидывая, нет ли в этой голодной суматошной стае птиц, которые летали здесь еще при нем* (В. Распутин). В косвенных падежах валентность пассивная.

Синтаксические свойства прономинально-конъюнкциональных контаминантов тесно связаны с тем значением, которое имеет контаминант. Любая часть речи имеет свой, определенный набор синтаксических функций, то же можно сказать о контаминантах. За каждым из них закреплены свои синтаксические функции, в большинстве случаев совпадающие с функциями категориально соотносительной части речи, хотя полного соответствия не наблюдается. Влияние на синтаксические свойства местоимений категориальной соотносительности отмечал А. Н. Гвоздев: «Синтаксическая роль местоимений и характер их изменений зависят от соотношения отдельных групп местоимений с разными частями речи» [6, с. 283]. Как пишет Грамматика-80, «свойства знаменательной части речи обеспечивают союзным словам в составе придаточного предложения роль члена предложения» [7, с. 720].

Рассмотрим синтаксические свойства контаминантов в предложении.

КТО. Контаминант *кто* может выступать в функциях подлежащего, дополнения, именной части составного сказуемого: *Зоська разоблачила меня, раззвонила подружкам, кто скрывается под красивой фамилией – Саянский, и сделался я знаменитостью аж на всю обувную фабрику* (В. Астафьев). Как и вопросительные местоимения, *кто* часто сопровождается местоимением *такой*: *Он доказал всем, кто он такой, и докажет еще тысячу раз* (В. Белов).

ЧТО. Б. П. Ардентов отмечает, что «способность местоимения *что* указывать (подразумевать) любое содержание, образ, предмет, явление, действие и так далее, особенно ярко проявляющаяся при его употреблении как вопросительного местоимения с обобщающим значением, позволяет ему выступать в качестве союзного слова» [8, с. 36–37]. Действительно, богатая семантика контаминанта *что* помогает ему выражать самые разнообразные синтаксические

отношения. Наиболее распространённые синтаксические функции контаминанта *что* – подлежащее и дополнение: *Он худо помнил, что было дальше* (В. Белов). *Дарья крестилась на образ, прося у господина прощения за все, что сказал и скажет старик, и торопилась ставить самовар* (В. Распутин). *Что* – именная часть составного сказуемого: *Что значило это «нет», она и сама не знала, но все повторяла одно и то же* (В. Белов).

КОТОРЫЙ. Контаминант *который* выделяется своей семантико-синтаксической двусвязностью, обусловленной наличием в нём 2 логико-семантических понятий – субстанции и признака. Но только одно из этих понятий находит своё выражение на синтаксическом уровне – понятие субстанции. Этим определяется роль контаминанта *который* как только субстантивного члена предложения: подлежащего, дополнения, обстоятельства, несогласованного определения. Например: *Новый поселок, в который свезли шесть таких же, как Егоровка, горемык и где сразу утвердился леспромхоз, назвали по обширным лесам, а на теперешний взгляд, по сырью – Сосновкой* (В. Распутин). *Иван Петрович видел, как мужики, которых вел Афоня, метнулись обратно* (В. Распутин). *Если сравнивать со змеями, то остальные ядовитые вроде гадюки, после укуса которой человек чаще всего выживает* (В. Солоухин).

КАКОЙ. Если контаминант *который* в предложении передает понятие субстанции, то *какой* передает и понятие субстанции, и понятие признака. В зависимости от этого меняются и его синтаксические свойства. Обозначая признак предмета, *какой* выступает в функции определения или именной части составного сказуемого: *Я увидел ее и в будущем июне, какой она была бы вся в цветущих фиалках и какой будет теперь, когда я ее за один час совершенно обесцветил* (В. Солоухин). *Сейчас, стоя посреди снежного пустыря, я тоже перетапывался, не зная, в какую сторону идти спрашивать про ночлег* (В. Белов).

Когда контаминант *какой* отображает понятие предмета, то в придаточной части он приобретает субстантивные свойства и может являться подлежащим, дополнением, обстоятельством меры и степени: *Есть две реки – с полезным и бесполезным течением, и какое из них мощней, туда и сдвигается общая жизнь* (В. Распутин). *Вчера он не успел осознать, каким немолодым, постаревшим выглядит его деревенский сверстник* (В. Белов).

КАКОВО. Прономинально-конъюнкциональный контаминант *каково*, категориально соотносительный с безлично-предикативным

словом, всегда является главным членом односоставного предложения: *Вот и посудите теперь, **каково** быть матерью такого человека* (В. Распутин).

ЧЕЙ. По синтаксическим функциям *чей* ближе всего находится к имени прилагательному, с которым категориально соотносится. *Чей* может употребляться как определение или именная часть составного сказуемого: *Если поспрашивать, нетрудно и доискаться, **чья** это работа* (В. Распутин).

ГДЕ. Контаминант *где* категориально соотносится с наречием и в предложении является обстоятельством, как и наречие, а точнее – обстоятельством места: *Невдалеке от домика, **где** жил писатель, рос огромный тополь* (К. Паустовский).

КУДА. За контаминантом *куда* в предложении закреплена функция обстоятельства направления: *Ленька напряженно глядел на дальний лес, **куда** уходили столбы с проводами* (В. Белов).

ОТКУДА. Контаминанту *откуда* присуща синтаксическая функция обстоятельства направления: *Хозяин в эту ночь рано вышел на пост, загодя выбранный на ближнем бугре, **откуда** было удобно и безопасно наблюдать пожар* (В. Распутин).

ОТЧЕГО. Синтаксической функцией, свойственной контаминанту *отчего*, является функция обстоятельства причины: *Он и сам не знает, **отчего** так получилось* (В. Белов).

ПОЧЕМУ. Контаминант *почему*, совмещающий свойства союза и местоимения, употребляется как обстоятельство причины: *Все действительно было как в сказке, пока он не спросил Веру, **почему** она поссорилась с мамой* (В. Белов).

ЗАЧЕМ. Синтаксическая функция местоименно-союзного контаминанта *зачем* – обстоятельство цели: *Кузнецов стоял, еще не сообразив, **зачем** все это нужно было Уханову* (Ю. Бондарев).

КОГДА. Имея временную семантику, *когда* в предложении является обстоятельством времени: *Стало как-то веселее, **когда** он представил попа Рыжка командующим на паровозе* (В. Белов).

КАК. Категориально соотносится с наречием, *как* может выступать в качестве обстоятельства образа и способа действия, обстоятельства времени или обстоятельства степени: ***Как** начиналось освоение книги, **как** оно шло, мы не знаем в подробностях и в последовательности* (В. Солоухин). *Но **как** выходил из лодки, невольно присел, в левой ноге отдала застарелая рана* (В. Личутин).

СКОЛЬКО. Каждой из омонимичных форм *сколько* соответствуют свои семантические, морфологические и синтаксические признаки. Категориально соотносится с именем числительным и обозначая количество, *сколько* выступает в функциях подлежащего или дополнения: ***Сколько** мне было лет, я не знаю, но очевидно, что мало, если живого ландыша я до сих пор, оказывается, не видел* (В. Солоухин). *Степан Михайлович прикинул, **сколько** это мешков будет, и удивился* (В. Белов).

Обозначая признак признака, *сколько* употребляется в функции обстоятельства меры и степени: *Подаешь ты паспорт, а у тебя не фамилию смотрят, а смотрят, **сколько** тебе осталось жить* (В. Распутин).

НАСКОЛЬКО. Относится к именам прилагательным и глаголам, *насколько* выполняет синтаксическую функцию обстоятельства меры и степени: *Живи да радуйся, **насколько** совесть чиста* (В. Белов). *Делай, **насколько** хватит свободы и силы, что хочешь, ступай, куда знаешь* (В. Распутин).

Мы пришли к выводу, что многие контаминанты выполняют в предложении те же синтаксические функции, что и омонимичные им вопросительные местоимения. Речь идет о прономинально-конъюнкциональных контаминантах *кто, что, сколько, где, куда, откуда, когда, зачем, почему, отчего*. Отличия наблюдаются в функционировании вопросительных местоимений *какой, который* и соответствующих контаминантов.

Открытым остается вопрос об однородности/неоднородности словоформ в разных функциях, соединенных сочинительными союзами. Особенно остро стоит эта проблема по отношению к местоимениям и по аналогии с ними к местоименно-союзным контаминантам. Существуют три основные точки зрения по поводу таких сочетаний:

- 1) они явно неоднородные (Л. Д. Чеснокова, В. Н. Перетрухин);
- 2) они частично-однородные или переходные от неоднородности к однородности (В. Н. Мигирин, М. Н. Майданский, Е. Н. Сидоренко, Л. Иванюк);
- 3) они однородные (Е. В. Кротевич, А. С. Попов, О. П. Ермакова).

По мнению О. П. Ермаковой, «в синтаксическом поведении местоимений едва ли не главную роль играет их принадлежность к семантическому, а не к грамматическому разряду» [9, с. 149]. Именно господством семантики она объясняет возможность соединения местоимений сочинительными союзами «в качестве однородных, но разнофункциональных членов» [9, с. 149].

В. Н. Перетрухин под синтаксической однородностью понимает «функциональное тождество языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений) в речи» [10, с. 8]. Он отмечает, что сочиненные члены занимают не одно, а два синтаксических места и потому не могут быть однородными. Нельзя согласиться с его мнением о том, что **и** в сочетании **никто и нигде** не соединительный союз, а выделительно-усилительная частица. Доказывается это, по мнению автора, тем, что при перестановке словоформы **нигде** в начало предложения смысл конструкции сохранится. По нашему мнению, это неверно, так как при перестановке **нигде** получает явный выделительный оттенок, не свойственный ему в сочетании **никто и нигде**. При этом статус **и** действительно меняется, но это не доказывает, что он меняется и в первом случае. Неубедительно также положение о том, что «в сочиненных рядах разновидности обстоятельств аккомодируются, а их частные функции обобщаются на более высоком уровне» [10, с. 20].

Более убедительной представляется нам точка зрения Е. Н. Сидоренко: «...Способность образовывать сочетания разноименных членов – явление, которое можно определить как промежуточное между однородностью и неоднородностью. Оно представлено местоимениями одного и того же семантического разряда, но с разным категориальным значением... или – реже – прономинативами с одним категориальным, но разным разрядовым значением...» [5, с. 100–101]. Например: *Я вошел в дом и поздоровался, сказался – кто и откуда* (В. Белов). *Ведь именно по этим цветам можно узнать летом, где и как текли через наш луг весенние мутные воды* (В. Солоухин).

Можно предположить, что возможность сочетания разноименных членов возникает за счет местоименной природы прономинально-конъюнкциональных контаминантов. Достаточно вспомнить, что подобные сочетания образуют местоимения нескольких семантических разрядов. М. Н. Майданский отмечает: «В зависимости от того, к какому смысловому разряду относятся местоименные слова, которыми выражены разноименные члены, можно различать среди соединительных сочетаний такие разновидности: сочетания определительные, неопределённые, отрицательные, а также вопросительные» [11, с. 70]. Например: вопросительного разряда – **кто он и откуда?**; отрицательного – **ничто и никогда**; обобщающе-выделительного – **всегда и всюду** и так далее.

В свою очередь, образование подобных сочетаний разноименных членов, выраженных местоименно-союзными контаминантами, можно

объяснить высокой абстрактностью местоимений, отсутствием в них вещественного, номинативного содержания и прономинальным способом отображения.

Рассмотрев местоименно-союзные контаминанты, мы пришли к **выводам**, которые отличаются от традиционного взгляда. Слова **кто, что, какой, каково, который, чей, сколько, насколько, где, куда, откуда, как, когда, зачем, почему, отчего** необходимо вынести за рамки местоимений, так как они представляют собой особый лексико-грамматический класс. В них в одном звуковом комплексе представлены признаки как местоимений, так и союзов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматическом строе русского языка и методика их изучения / В. В. Бабайцева // Явления переходности в грамматическом строе современного русского языка. – М. : МГПИ им. В. И. Ленина, 1988. – С. 3–13.
2. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 639 с.
4. Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе / В. В. Бабайцева. – Воронеж : Центрально-Черноземное издательство, 1967. – 391 с.
5. Сидоренко Е. Н. Семантика местоимений современного русского языка / Е. Н. Сидоренко // Проблемы лексической и категориальной семантики. – Симферополь : СГУ, 1982. – Вып. 2. – С. 18–27.
6. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология : учебник для факультетов русского языка и литературы педагогических институтов / А. Н. Гвоздев. – [4-е изд.]. – М. : Просвещение, 1973. – 432 с.
7. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
8. Ардентов Б. П. «Что» в современном русском языке / Б. П. Ардентов. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 89 с.
9. Ермакова О. П. Семантика, грамматика и стилистическая дифференциация местоимений / О. П. Ермакова // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М. : Наука, 1989. – С. 146–157.
10. Перетрухин В. Н. Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. – Воронеж : ВГУ, 1979. – 208 с.
11. Майданский М. Н. Соединительные сочетания разноименных членов предложения / М. Н. Майданский // Русский язык в школе. – 1965. – № 5. – С. 68–73.

ВОПРОСЫ ГРАФОЛОГИИ И ВНУТРИЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФОНЕТИКИ И ОРФОЭПИИ

У статті розглядаються гострі проблеми внутрішніх конфліктів кримськотатарської мови, на рівні орфоенії й орфографії.

Ключові слова: орфоенія, внутрілінгвістичний конфлікт, алфавіт, норми вимови, фонетика, османська епоха, словотворчий процес, викривлення.

В статье рассматриваются острые проблемы внутренних конфликтов крымскотатарского языка на уровне орфоэпии и орфографии.

Ключевые слова: орфоэпия, внутрilingвистический конфликт, алфавит, нормы произношения, фонетика, османская эпоха, словообразовательный процесс, искажения.

In the article are examined the sharp problems of internal conflicts of Crimean Tatar language at the level of orthoepy and orthography.

Keywords: orthoepy, intralinguistic conflict, alphabet, norms of pronunciation, phonetics, osmanish epoch, word-formation process, distortions.

Постановка проблемы. Как отмечает В. М. Русановский, «если общество хочет избежать диглоссии, следует позаботиться о реальной, а не о прикрытой бюрократическим самовосхвалением функциональной равноправности всех языков» [1, с. 9]. Сегодня, как и 20 лет назад, соотношение крымскотатарского языка с другими языками крымского ареала – русским и украинским – не является равнофункциональным, и потому, если не принять экстренных мер, произойдет сокращение количества языков участников языковой ситуации, тех, которые функционально ограничены, то есть крымскотатарского.

Подобная расстановка сил связана с внешними политическими факторами: военным поражением Крымского Ханства в конце XVIII века и последующим интенсивным освоением вновь приобретенных территорий победителем – Российской империей. Стратегические приоритеты метрополии и ситуативный общеполитический вектор обуславливали форсированность принудительной интеграции Крыма в состав России и, как следствие, особенно жесткое отношение к нелояльному местному населению.

В настоящий момент, в силу сложившейся относительно благоприятной политической обстановки, крымские татары пытаются вернуть себе утраченную государственность, хозяйственную и экономическую независимость, этническую и культурную целостность и идентичность. Для этого необходимо, прежде всего, решить внутренние задачи.

В этой связи одной из наиболее актуальных проблем является восстановление функциональных способностей крымскотатарского языка, а именно: наполнение его лексической и терминологической базы, реанимация морфологических процессов, выправление синтаксиса, упо-

рядочивание орфографических, орфоэпических и фонетических норм, разработка специальных стилей речи. Этому должна предшествовать работа по более полному описанию крымскотатарского языка, как в диахронии, так и синхронии.

Анализ литературы. К исследованиям, посвященным изучению крымскотатарского языка, его истории, проблемам современного состояния, следует отнести труды Б. Чобан-заде, А. Меметова, Э. Севортяна, С. Р. Изидиновой, Э. Акмоллаева и других языковедов. Однако и эти работы не исчерпывают информационного дефицита по данному вопросу. Как справедливо замечает С. Изидинова, «Назрела необходимость монографического описания крымскотатарского языка на всех уровнях в объеме трех его диалектов – среднего, степного и южного, включая научную грамматику современного литературного языка с учетом особенностей языка довоенного периода и новых элементов... Очевидно, полное описание языка невозможно без серьезного сопоставления с литературным языком конца XIX – начала XX вв., в формировании которого основной вклад внес крымскотатарский просветитель и публицист Исмаил мырза Гаспралы» [2].

Для решения вышеописанных лингвистических задач, прежде всего, необходимо определить и четко разграничить круг вопросов, которые конкретизировали бы работу по выявлению сути внутренних конфликтов, тормозящих естественную эволюцию крымскотатарского языка, его дериватологические функции. Разрушительные действия, предпринятые в отношении крымскотатарского языка в разное время, а особенно в первые десятилетия советской власти, породили подобные проблемы на всех уровнях, начиная от фонетики и алфавита и заканчивая

стилистикой. От их успешного разрешения зависит дальнейшее развитие крымскотатарского языка в границах внутренней типологии.

Целью настоящего исследования является попытка отобразить всю глубину и остроту данных проблем и конфликтов на примере орфоэпии и фонетики и наметить пути их решения через модернизацию действующего алфавита.

Изложение основного материала. Носители живого языка во всем его диалектном многообразии становятся все меньше, и они уже не в состоянии поддерживать произносительную норму. В силу устойчивой тенденции говорить на родном языке крымские татары, сталкиваясь с лексическим дефицитом, обращаются к средствам других типологически близких языков: узбекского, турецкого. В результате наблюдаются случаи искажения артикуляционных процессов при произношении слов.

Нарушения в произношении, и даже утрата исторически обусловленной нормы, напрямую связаны также с несовершенством действующего алфавита. Как известно, любой алфавит не более чем условность, призванная максимально точно графически отображать звуковой состав того или иного языка. Крымскотатарский язык, как и все остальные тюркские языки, очень давно утратил собственную письменную традицию, основанную на рунических знаках. Несомненно, это была наиболее адекватная система отображения музыкального строя тюркского языка. В последующие после древнетюркского периода более полутора тысячи лет развития крымскотатарский язык использовал и продолжает использовать чужие графические системы: согдийское письмо, затем арабское, потом латиницу и кириллицу.

В настоящем кириллическом алфавите допущен целый ряд серьезных искажений и недочетов. Во-первых, алфавит, будучи в основе своей кириллическим, крепко «привязал» крымскотатарский язык к нормам русской фонетики и орфографии. После его принятия стало глупо и неудобно писать «пиргадир» вместо «бригадир», «вазгал» вместо «вокзал», «савет» вместо «совет», «сосыализм» вместо «социализм» и т. д.¹ В

¹ Об ассимиляции заимствований в крымскотатарском языке см. статью Э. Севортяна «Крымскотатарский язык» в сборнике «Языки народов СССР» [3], а также тексты на крымскотатарском языке 20-х годов XX века, содержащие адаптированные заимствования, например [4], где встречаются следующие примеры употребления заимствованных слов: «аблукъат» (адвокат) [4, с. 5]; «чинуфник» (чиновник) [4, с. 13]; «савет» (совет) [4, с. 6]; «хазяйства» (хозяйственный) [4, с. 5] и т. п.

вопросах заимствования очевидным стало давление русского языка, что сказалось на последующей утрате в крымскотатарском языке механизмов ассимиляции все возрастающего потока с течением времени «интернационализмов» и «советизмов».

Таким образом, была снята естественная преграда проникновению в крымскотатарский язык неоправданных заимствований, а в наше время – целого обвала лексики русскоязычного происхождения, как общего, так и специального характера. Употребление «русизмов» в настоящий момент является нормой разговорной и даже письменной речи.

С другой стороны, переводя алфавит на латинскую основу в той форме, в которой он существует для турецкого языка, крымскотатарский язык начнет испытывать еще большее давление теперь уже со стороны языка турецкого. Так как турецкий язык типологически близок крымскотатарскому, а по своему внутреннему состоянию является полностью кодифицированным, этот процесс закончится абсолютной и скорой ассимиляцией, попросту говоря «отуречиванием» языка крымскотатарского.

Нечто подобное, правда, по другим причинам, крымскотатарский язык уже переживал в османскую эпоху, когда правилом хорошего тона было щеголять знанием арабского и персидского языка, а письменная речь вообще состояла из арабских слов, от тюркской же лексики, по большому счету, сохранялись только модальные глаголы – «этмек», «япмакъ», «олмакъ» и «булмакъ» (*теджъикъ этмек, тесадюфте олмакъ* и т. д.), а также личные и притяжательные местоимения.

Повальное увлечение арабским языком породило в свое время даже искажение в произношении, что было выражено, прежде всего, в манерной подмене широких заднеязычных гласных на узкие переднеязычные, как например: «пâре», вместо «пара» (деньги), подобно тому, как это происходило у анатолийских турок. Об этом явлении с неудовольствием писал Б. Чобан-заде в своем труде «Къырымтатар ильмий сарфы»: «Къырымтатарджада умумиетле китабий, яни окъумыш адамларгъа бир теляффуз бардыр ки, даима къалын сесли сѣзлерни индже сеслерге чевирир...» [5, с. 45]. (В крымскотатарском произношении повсеместно в среде книжных, то есть образованных, людей постоянно происходит подмена широких гласных на узкие...) (перевод наш – О. Р.).

Османский язык стал единым книжным всей Османской Империи, в том числе и политически зависимого от него Крымского Ханства. Об этом свидетельствует сравнение многочисленных ли-

тературных памятников эпохи XV–XVIII веков², созданных на территории Крыма, с подобными же памятниками турецкого происхождения. Но в османскую эпоху была живая и очень мощная энергетика народного языка, и многочисленные его носители. Сейчас, увы, этого нет.

Обращаясь непосредственно к недостаткам ныне действующего кириллического алфавита, необходимо отметить то, что в нем очень условно отображены такие специфические звуки крымскотатарского языка, как «ö» и «ü». Безусловно, они есть и всегда были, как узкогубная пара широкогубным «o» и «u»³. Эти звуки с различными оттенками произношения существуют во всех трех основных диалектах крымскотатарского языка. На письме они отображаются знаками «ё» и «ю». Конечно, существует договоренность, что эти «ё» и «ю» в крымскотатарском алфавите обозначают звуки «ö» и «ü», но сколько человек об этом знает наверняка? Старшее поколение уходит, унося с собой правильное звучание таких слов, как «ömtür» или «ölm», а новые поколения начинают произносить «омюр» и «олюм» именно так, как они написаны, ориентируясь, прежде всего на произношение звука «ю», в русском звучании. Такое положение вещей породило не совсем уверенную оговорку о том, что предшествующий гласный «o», например, сужается под воздействием последующего «ю», или мягкого знака, как будто исторически он не был узким. На наш взгляд, если звук узкий, надо его сразу отображать в подобающем виде, а не оправдывать нехватку графических средств кириллического алфавита мудреными правилами.

Звук «ю» в крымскотатарском нужен исключительно в случаях стяжения двух звуков «й» и «у», например: «кьюю». Это же касается звука «ё», хотя и здесь уместней все же употребить две буквы: и «й», и «о», а также «й» и «у» («йюкь», а не «ёкь», «йукь», а не «юкь»).

Введение отдельных знаков для фонем «ö» и «ü» устранил такие конфликты между нормой произношения и орфографией как, например, начальное «йу» в слове «юзюм» (узб. – «узум» [9, с. 121]; тур. – «üzüm» [10, с. 891]; Словарь Махмуда Кашгари – «üzüm» [11, т. I, с. 88]). В начале слова присутствует звук «ü» то есть

«üzüm», если же предположить «йу», то в этом случае мы имели бы обязательную диалектную пару северного крымского диалекта в виде «джюзюм», так как в этом диалекте начальный «й» всегда переходит в «дж»⁴, как и многих западно-кыпчакских языках. Но мы такой пары не имеем. Употребление же единственной буквы «ю» во всех случаях без исключения искусственным образом выводит из обращения звук «ü» в устной речи.

Необходимо также различать на письме различный гласный состав в первых слогах таких слов, как, например «ёнилиш» и «ёкьлама». В первом случае это безусловно: «й+ö», тогда как во втором «й+o», но пишутся эти слова одинаково.

В свете вышесказанного представляется совершенно различным произношение такого слова в вариантах его написания, как «тюшюрмек» и «түйшүрмек». В устах молодых татар это слово будет звучать абсолютно так, как если бы его прочитал русский человек. Отсюда окказиональные фонетические искажения в речи молодых дикторов крымскотатарского радио и телевидения.

Звуки «ü», «ö» присутствовали в крымскотатарском алфавите, как специальные, отдельные графемы, когда он базировался на латинской основе. Но для поддержки правильного произношения и соблюдения правила сингармонизма гласных в крымскотатарском языке совершенно не обязательно весь алфавит переводить на латинскую основу. Эти звуки вполне возможно воспроизвести в вариантах графем «ÿ» либо «Y» или «Y», а также «Ө» или «ö» или «ö», что и представляется необходимым.

Кроме мероприятий по возвращению утраченных гласных звуков в действующем алфавите следует отметить необходимость разрешения таких конфликтов как наличие «лишних» звуков и графем, их изображающих: «ц» и «щ», и перспективу их изъятия. Употребление этих звуков связано исключительно с русизмами, но совершенно не характерно для крымскотатарского языка. Существование этих графем, оправдывая наличие соответствующих звуков, нарушает произносительную норму слов, наподобие «щекер» в русифицированную «щекер».

Спорно также наличие звука «ж». Возможно, его употребление стало необходимо в связи с проникновением в язык большого количества заимствований международного характера. Но

² Под подобными памятниками подразумеваются, прежде всего, образцы поэзии, дошедшие до нас, таких авторов, как Бора Гази Герай, Резмий, Ашык Умер, Кямил, Джевхерий и др. Сами тексты доступны в многочисленных антологиях, изданных в последние годы, например [6; 7].

³ О составе гласных фонем в крымскотатарском языке см., например, в [8].

⁴ Ср. топонимы «Янкой» (например, Биюк Янкой, ныне Мраморное) и «Джанкой», город в северной части Крыма. Образовано: Яньы//Джангы + кой – новая деревня.

вполне вероятно вытеснение этих лексем собственно тюркскими либо арабскими эквивалентами, в результате чего отпадет нужда и в этом звуке. Либо замена этого звука на звук «дж».

Не идеально графическое изображение и самого звука «дж». Оно выглядит как два звука, следующих друг за другом, тогда как это один аффрикативный звук переднеязычного образования. Возможен вариант его транскрибирования по-узбекски просто «ж», либо «j», как это в азербайджанском языке.

Существует необходимость ввести в оборот употребление графемы «w», либо другого его варианта для отображения специфического звука огубленного «в». (Ср. произношение звука в конце слова: «уянув»). Этот звук, употребленный в начале слова, или слога отличается по способу образования от фонемы в слабой своей позиции. (Сравни: «вазгеч» – твердое «в», при произношении нижняя губа соприкасается с верхними зубами, и «сорав» – губы округляются). На письме же эти два разных звука обозначаются одной и той же буквой. Фонема «w» характерна для северного диалекта крымскотатарского языка, и совершенно не употребима в южном. Это еще одна причина того, почему эти звуки необходимо различать.

Особого внимания заслуживает вопрос о нормированности фонемы «х» в некоторых отдельных случаях произношения арабо-язычных основ, а также возможность ввода в алфавит дополнительного звука «х», более мягкого. Отказ от вариантов аллофона «х» в арабском звучании вполне логичен и оправдан с точки зрения фонетических законов крымскотатарского языка. По свидетельству Махмуда Кашгари, тюркским языкам вообще не свойственно употребление этих звуков, ни мягких, ни твердых. Исключения, по его словам, составляли лишь возгласы «Хайт, хайт» и «Хаш, хаш», которыми тюрки огузы погоняли свою домашнюю скотину [11, т. 1, с. 6–11].

Однако М. Кашгари, живший в XII веке, говорит также и о проникновении в тюркские языки большого количества арабских слов, употребление которых уже в его время стало необходимостью. При этом тюрки путали, а порою вообще не умели идентифицировать по звучанию три разновидности звука «х» – خ; ح; ه. Различали в лучшем случае лишь два их варианта – твердый и мягкий. Так как количество арабских слов в крымскотатарском языке, как и в других тюркских языках, неуклонно возрастало, наличие двух звуков «х» стало нормой, и таковой оставалось до недавнего времени. В связи с этим не совсем понятна логика действующих норм орфографии и орфоэпии в таких словах, как, на-

пример, махкеме, махкум (осужденный), но «аким», «укюм» (ср. тур. «mahkeme», «mahkum», «hakim», «hüküm» [12]). Все эти слова происходят из одной основы «хкм», и, исходя из особенностей арабского словообразования, во всех них присутствует один и тот же звук «х», а именно: ح. Почему же тогда где-то мы пишем и произносим этот звук, а где-то нет? Только потому, что этот звук в первом случае находится в середине слова, в позиции перед согласным «к», а во втором – в абсолютном начале слова – перед гласным «а», или «у», как в слове «уруфат»?

В данном случае выпадение звука «х» представляется обоснованным исключительно в именах собственных (Асан вместо Хасан, Айдер вместо Хайдер и т. д.). Во всех остальных случаях мягкий вариант звука «х» (h) необходимо восстановить. Во-первых, это необходимо сделать для достижения благозвучной, грамотной речи в таких словах как, например «муим»⁵ (мўхим), «мюит» (мўхит), когда совершенно недопустимо стяжение двух разнокачественных гласных как невозможное обстоятельство для тюркских языков. Во-вторых, изъятие звука «х» было скорее популистским шагом в период активного становления советской власти, заигрывания с крестьянством и рабочим классом, уничтожения всех достижений предыдущей «высокой культуры», смещения произносительной нормы далеко на север. В-третьих, возвращение звука и буквы мягкого «х» поможет восстановить общую логику словообразовательного процесса.

Требуют также своего более удачного письменного выражения, состоящего из одного знака такие двойные графологические символы, как «кь», «гь» и «нь». Это самостоятельные фонемы, которые вполне могут быть выражены однобуквенными символами, например: «Қ», «Ғ» и «Ң».

Выводы. Таким образом, в отношении проблем фонетического и орфоэпического свойства необходимо определиться с тем, что в крымскотатарском языке, как и во всех других современных языках существуют собственные нормы письменного и разговорного языка. Эти нормы различны. Письменный язык является в большей степени идеальным, утонченным и призван сохранять в себе следы литературных и языковых влияний, традиций, которые складывались не одну сотню лет.

В этой связи необходимую и нужную реформу алфавита представляется возможным

⁵ Слово в действующей орфографии [13], в скобках представлен вариант их более полного и грамотно написания.

произвести в рамках существующего кириллического алфавита, путем:

- 1) введения двух недостающих графем гласного состава – «ö» и «ü»;
- 2) введения недостающего мягкого варианта «х»;
- 3) изъятия ненужных графем «ц» и «щ»;
- 4) изменения соответствующего графического изображения звука «дж», например, в варианте «ј», а также других двойных графологических символов в однобуквенные.

Вышеуказанные «нововведения» не являются сколь-нибудь существенной помехой при наборе текста и раскладке компьютерной клавиатуры. Дополнительные знаки достаточно просто «посадить» на неупотребительные клавиши.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русанівський В. М. Прогностичні функції соціолінгвістики / В. М. Русанівський // Мовознавство. – 1989. – № 1. – С. 9–14.
2. Изидинова С. Р. Современное состояние и проблемы изучения крымскотатарского языка [Электронный ресурс] / С. Р. Изидинова. – Режим доступа : <http://turkolog.narod.ru/info/1163.htm>.
3. Севортян Э. Крымскотатарский язык / Э. Севортян // Языки народов СССР : в 5 т. – Т. 2: Тюркские языки / под ред. Н. А. Баскакова. – М. : Наука, 1966. – С. 254–276.

4. Якубов М. «Юридическая помощь населению». – Симферополь : Крымгосиздат, 1927. – 30 с.
5. Чобан-заде Б. Къырымтатар ыльмий сарфы (Научная грамматика крымскотатарского языка. Транслитерация с арабской графики издания 1925 г.) / Б. Чобан-заде. – Симферополь : Доля, 2003. – 187 с.
6. Грезы розового сада / составитель Н. Абдульваапов. – Симферополь : Сонат, 1999. – 84 с.
7. Köprülü F. Eski Şairlerimiz. Divan Edebiyatı Antolojisi / Fuad Köprülü. – İstanbul, 1931. – 116 s.
8. Гаркавец А. Н. Очерк крымскотатарской фонетики, морфологии и орфографии / А. Н. Гаркавец // Кърымтатарджа-русча лугъат / составители : Ш. А. Асанов, А. Н. Гаркавец, С. М. Усеинов. – К. : Радянська школа, 1988. – С. 198–236.
9. Русско-узбекский словарь : в 2 т. – Ташкент : Главная редакция Узбекской Советской Энциклопедии, 1983. – Т. I – 807 с., Т. II – 797 с.
10. Rusça-Türkçe büyük sözlük. – İstanbul : Multilingual, 1994. – 950 s.
11. Divanü lugat-it-türk tercümesi / çeviren Besim Atalay. – Ankara, 1939. – С. I – 530 s.; 1940. – С. II – 366 s.; 1941. – С. III. – 452 s.
12. OsmanlıcaTürkçe Ansiklopedik Büyük Lugat. – İstanbul : Türdav, 1995. – 1070 c.
13. Крымскотатарско-русский словарь / составил С. М. Усеинов. – Тернополь : СМНВП «Диалог», 1994. – 397 с.

УДК 81'373.611:811.161.1

Шепель Ю. А.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ АСИММЕТРИЯ И ЯВЛЕНИЕ ИЗОМОРФИЗМА ПРИ ПОСТРОЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЯДОВ (на материале имен прилагательных современного русского литературного языка)

У статті порушуються питання моделювання словотвірних рядів похідних прикметників сучасної російської мови з метою семантичного аналізу структури рядів. Вирішується проблема співвідношення морфологічної асиметрії в словотворенні на рівні семантики та розподілу похідних по відповідних рядах з урахуванням семантики похідного слова, визначуваного в словотвірних полях.

Ключові слова: словотвірний ряд, симетрія й асиметрія, словотворча кореляція, словотвірний рівень, варіативність, словотвірний варіант, мотивація.

В статье поднимаются вопросы моделирования словообразовательных рядов производных прилагательных современного русского языка с целью семантического анализа структуры рядов. Решается проблема соотношения морфологической асимметрии в словообразовании на уровне семантики и распределения производных по соответствующим рядам с учетом семантики производного слова, определяемого в словообразовательных полях.

Ключевые слова: словообразовательный ряд, симметрия и асимметрия, словообразовательная корреляция, словообразовательный уровень, вариативность, словообразовательный вариант, мотивация.

In the article the questions of design of word-formation rows of derivatives of adjectives of modern Russian rise with the purpose of semantic interpretation of structure of rows. The problem of correlation of morphological asymmetry decides in a word-formation at the level of semantics and distribution of derivatives on corresponding rows taking into account semantics of derivative, determined in the word-formation fields.

Key words: word-formation row, symmetry and asymmetry, word-formation correlation, word-formation level, variantness, word-formation variant, motivation.

Постановка проблемы. Морфологическая асимметрия в системе словообразования, указание одним аффиксом нескольких значений и выражение словообразовательных значений набором аффиксов, заключает в себе причину явлений, которые возникают при моделировании словообразовательных процессов и детерминируют неразрешимость научного знания многих задач словообразовательного синтеза. Имеющая место вариативность словообразовательных средств, которые маркируют одно и то же словообразовательное значение, влечёт за собой необходимость решения задач семантического характера, в частности таких, как проблема тождества/различия аффиксальных морфем, их полисемии/омонимии, тождества/отдельности структурно-идентичных производных слов, характеризующихся несколькими словообразовательными значениями. По всей вероятности, для семантического моделирования необходимо учитывать не только доминирующие, ведущие, инвариантные семантические признаки производных слов, но и их потенциальные семы, что актуализируются в определённых ситуациях.

По мнению З. А. Харитончик, гамма словообразовательных значений и их возможных модификаций является той почвой, на которой появляется и развивается диффузность и неопределённость семантики производного адекватного слова и, соответственно, «готовность» прилагательного обслуживать самые разные коммуникативные ситуации [1].

Производные слова могут закрепляться в языковой системе через словесное окружение с опорой на синонимические, антонимические, гипонимические и другие парадигматические связи, возникающие в результате «пересечения» одного слова с другим в лексической системе языка. Это внешний (межсловный) уровень парадигматических отношений.

Анализ лингвистической литературы. Слова одного корня, осложнённые аффиксами, характеризуются различной степенью семантической отдалённости. Последняя может быть определяющим фактором в отношении подобных слов к таким, между которыми можно усмотреть, скажем, паронимические или синонимические отношения. Известно, что одноосновные разносуффиксальные дериваты могут быть синонимами, если у них совпадает хотя бы один ЛСВ. Такой подход, впервые представленный С. Г. Бережаном [2], позволил количественно измерить степень синонимичности с помощью формулы сходства, предложенной Я. Чекановским [3]. Несмотря на то, что возможность варьирования лингвистических единиц является неоспоримой и наличие вариантов слов можно

считать общепризнанным, К. С. Горбачевич, отвергая понятие словообразовательных вариантов слова, считает, что разнообразие словообразовательных структур всегда свидетельствует о наличии разных слов [4; 5]. Свою точку зрения он объясняет тем, что тождественные по значению однокорневые единицы, образованные с помощью синонимических аффиксов, являются синонимами. Представляется целесообразным всё же разграничивать лексические синонимы от тех единиц, которые образуются в процессе деривации и характеризуются тождеством семантических структур. Такие единицы мы называем *словообразовательными вариантами*.

Мы не стремимся дать полное и исчерпывающее описание перечисленных проблем. Они могут стать предметом самостоятельных исследований. Остановимся лишь на некоторых аспектах решения первой проблемы.

Компонентный анализ значений производных слов в словообразовательных рядах можно свести к решению таких задач: (1) изучение распределения значений по семантическим полям различного порядка; (2) определение лингвистических значений, репрезентируемых этими семантическими полями, и выявление идеальных отношений между ними, то есть определение структуры реляционного языкового каркаса.

В настоящей статье, поднимая вопрос о семантической структуре словообразовательных рядов, мы ставим **целью** установить, как содержательные характеристики производных прилагательных, составляющих словообразовательные ряды, коррелируют со словообразовательной структурой и что предопределяет отнесение производных разных словообразовательных рядов к одному или к разным семантическим полям.

Изложение основного материала. Словообразовательные варианты в триаде «варианты – синонимы – разные слова» сближаются с однокорневыми синонимами по наличию и в той, и в другой группе слов одного корня, но различаются передаваемыми ими значениями: для *однокоренных синонимов* свойственна **близость** значений, для *словообразовательных вариантов – тождество* значений. Соответственно, среди однокоренных образований могут быть на объективных основаниях выделены однокорневые синонимы, с одной стороны, и словообразовательные варианты, – с другой. Важнейший конституирующий признак синонимии – это презумпция существования двух или более самостоятельных единиц. При варьировании мы можем говорить о своеобразном для данного языка видоизменении формы слова, при полном тождестве семантического содержания двух и более

слов – о двух разновидностях или вариантах одного и того же слова. В связи с вышесказанным все производные словарные единицы мы распределяем по трём группам: 1) варианты одного и того же слова, 2) однокорневые слова-синонимы, 3) однокорневые слова, не связанные отношением синонимии, т. е. разные слова.

Синонимические, омонимические, антонимические (иногда и паронимические) отношения характеризуют одну из существенных сторон словообразовательной системы как системы словообразовательных типов. В этом плане они обладают своими специфическими особенностями и при этом одновременно обнаруживают определённые сходства и параллелизм. Системный изоморфизм словообразовательной синонимии, омонимии, антонимии и отчасти паронимии проявляется в процессе их взаимодействия, делает границы между ними подвижными. Так, А. А. Гречко, рассматривая пары слов типа *трудный – трудовой, вкусный – вкусовой, грязный – грязевой* приходит к выводу, что в этих парах слов семантически представлены два различных суффикса – качественный и относительный [6, с. 124]. Вместе с тем, анализ достаточно большого количества работ по словообразованию имён прилагательных (А. Д. Зверев, В. Н. Немченко, С. Л. Ким, Е. А. Земская, В. В. Грещук, Г. Х. Щербатюк, Е. К. Беспояско, Е. Г. Городенская, З. М. Майданник, О. С. Шевчук, В. Т. Коломиец и др.) приводит к мысли о том, что противопоставление суффиксов *-н-* и *-ов-* имеет смысл лишь при объяснении ограниченного круга языковых явлений. Объясняется это тем, что многие прилагательные на *-н(ый)* являются относительными. Отсубстантивные относительные прилагательные с суффиксами *-н-, -ов-, -ск-* в русском языке являются синтаксическими дериватами, которые могут иметь и качественно характеризующие значения, ср.: *генеральное наступление, генеральский тон*.

В современном русском языке наблюдается тенденция к специализации суффиксов, если однокорневые производные прилагательные не синонимичны. В этом случае разные суффиксы манифестируют разные значения прилагательных, образуемых на базе разных семем производного. Ср.: *показной* – от *показывать* (в знач. обращать внимание, специально подчеркивать что-то), например, *показная дружба, нежность, любовь, народность; показной человек, парень, внешность* и *показательный* – от *показывать* (в знач. характеризовать, указывать на что-то), ср.: *показательные масштабы, показательный суд, показательный колхоз, хозяйство, выступления*.

Суффиксы *-н-, -ов-,* как и суффикс *-ск-*, выражают недифференцированные отношения к

предмету, ср.: *волевой человек – вольный человек; ракушечный домик, песок – ракушковые осколки*. Поэтому они не могут быть противопоставлены по смыслу друг другу. Этим объясняется наличие в русском языке дублетных образований типа *санаторный – санаторский, апельсиновый – апельсиновый, атлетный – атлетический* и т. д.

Однако форманты *-н(ый), -ов(ый), -ск(ий)* при всей их близости/неопределённости семантики функционально не тождественны. Этот факт, с одной стороны, объясняется естественным стремлением носителей языка видеть за чисто формальным различием языковых единиц семантические и функциональные различия. Довольно часто, с другой стороны, однокорневые прилагательные-синонимы не совпадают в отдельных значениях, что приводит к нарушению дублетности. Ср.: *ракушковый* – «относящийся к ракушке» (*ракушковые осколки*), но *ракушечный* – «состоящий из ракушек» (*ракушечный песок, домик*)¹.

Сфера действия формантов *-н(ый), -ов(ый), -ск(ий)* в основном различна [4; 5; 8]. Эти форманты сочетаются с разными основами или соотносятся с разными ЛСВ одного производящего. Однако количество дублетных образований весьма незначительно по сравнению с общим количеством производных прилагательных этих словообразовательных рядов. Функциональная неравноценность этих суффиксов вступает в противоречие с их семантической близостью/равнозначностью. Это противоречие объясняется тем, что «сталкиваются» друг с другом факты разных уровней абстракции. Функциональная неравноценность (специализация) формантов обнаруживается, если их рассматривать с позиции участия в конкретных деривационных актах, когда важен учёт лексического значения обоих членов словообразовательной пары. Равнозначность аффиксов *-н-, -ов-, -ск-*, приводящая к пересечению соответствующих словообразовательных рядов, является следствием максимального обобщения выражаемых этими суффиксами отношений, полного абстрагирования от лексических значений производящих.

Мы выделяем два вида типовых контекста – внутренний и внешний, которые во взаимодействии определяют типовое лексическое значение (в дериватологии – частное словообразовательное значение).

¹ А. А. Тараненко, рассматривая полисемичный параллелизм и явление семантической аналогии в украинском языке, называет подобное явление «синонимичной конкуренцией» [7, с. 80].

Типовой внутренней контекст – это тематическая группа слов-актуализаторов (определяемых), благодаря которым конкретизируется выражаемое отношение.

По аналогии с вышеуказанным мы различаем внешнюю и внутреннюю мотивационные связи производных.

Внешняя мотивационная связь характеризует сближение семантики производного слова с семантикой другого производного, состоящим в родственных связях с производным через вершину словообразовательного гнезда.

Например, в паре равнопроизводных одношаговых паронимов *иронический // ироничный* наблюдается синонимичное сближение. В современном русском языке эти слова дифференцируются в значениях: *иронический* – «отн. к иронии как стилистическому приёму» и *ироничный* – «содержащий элементы иронии, употребляющийся с целью насмешки». Однако эти слова остаются синонимичными в значении «заключающий в себе насмешку» (*ироничный // иронический тон*).

Аналогичное явление наблюдается в парах *симпатический // симпатичный, технический // техничный, дождевой // дождливый, грозный // грозовой, шумный // шумовой, догматический // догматичный, поэтический // поэтичный, прозаический // прозаичный* и др.

Внутренняя мотивационная связь характеризует выведение одного компонента семантической структуры многозначного производного из другого. Ср. *будний // будничный*, где *будний* – «о времени; относительно к будням»; *будничный* – «1) такой, который постоянно окружает человека; предназначенный для будней, труда, занятий; 2) *перен.* прозаический, однообразный», выступают синонимами в значении «относящийся к будням; прозаический, однообразный». При этом второе, переносное, значение производного *будничный* связано внутренней мотивационной связью с первым, основным, значением «такой, который постоянно окружает человека...».

При внешней мотивационной связи может наблюдаться явление опосредованной мотивации. Например, паронимический ряд *систематичный // систематизированный // системный* представляют межшаговые параллельные производные, инвариантом для которых является слово «система»: *системное (систематизированное) изложение, системные (систематичные) занятия, упражнения*. Производные *систематизированный* и *системный*, *системный* и *систематичный* будут представлять собой частичные синонимы, связанные через вершину *система*.

При установлении мотивационной связи между значениями однокорневых производных разных словообразовательных рядов выявляются несколько типов отношений.

(1) **Параллельный тип отношений** – семантическая множественность словообразовательной структуры однокорневых многозначных производных, где различаются несколько (минимум две) внешних мотивационных связей.

(2) **Радиальный тип отношений** – одно значение производного слова (или однозначного слова) вступает в мотивационные связи с несколькими значениями другого однокорневого производного.

Другие типы отношений (перекрещивающийся, смешанный) являются производными от первых двух основных.

Проиллюстрируем различные типы отношений примерами.

(1) Параллельный тип отношений:

пластический // пластичный одношаговые внутришаговые равнопроизводные частично синонимичные паронимы: *пластический* – «1. прил. к пластика (в 1 и 2 зн.); 2. связанный с искусством изящных ритмических движений и жестов; 3. способный под давлением принимать любую внешность, форму и сохранять её после прекращения этого действия; 4. (*мед.*) способствующий исправлению нарушений в строении тела, восстановлению тканей организма»; *пластичный* – «1. обладающий стройным соответствием частей, соразмерный; 2. исполненный гармонии, плавный, изящный; 3. то же, что *пластический* в 3 знач.»;

интеллигентный // интеллигентский внутришаговые равнопроизводные паронимы, выступающие частичными синонимами в двух из своих мотивационных связей, ср.: *интеллигентный* – «1. прил. к интеллигент, интеллигенция; 2. образованный, культурный; 3. свойственный, присущий интеллигенту, интеллигенции»; *интеллигентский* – «1. прил. к интеллигент, интеллигенция; 2. отн. к интеллигенту, к интеллигенции, принадлежащий им, свойственный им».

(2) Радиальный тип отношений:

перепоночный // перепончатый представляют равнопроизводные одношаговые паронимы, связанные через вершину гнезда «перепонка»: *перепоночный* – «отн. к перепонке»; *перепончатый* – «снабженный перепонками: состоящий из множества перепонок»; между значениями производных имеется закономерная связь общего и частного; они связаны опосредованно через значение производящего *перепонка*;

материн // материнский – равнопроизводные одношаговые паронимы; между значениями устанавливается опосредованная связь через вер-

шину *мать*; мотивационная связь через значение «что принадлежит матери» позволяет отнести их к частичным синонимам, ср. *материны // материнские глаза, слёзы*;

пастушеский // пастуший – одношаговые равнопроизводные внутришаговые частичные синонимы (МАС подаёт как полные синонимы), ср.: *пастушеский* – «1. связанный с пастушеством, профессией пастуха; 2. пасторальный»; *пастуший* – «относящийся к пастуху, принадлежащий, свойственный ему» (*пастушеская // пастушья сумка*).

(3) Перекрещивающийся тип отношений:

психологический // психологичный – межшаговые параллельные частичные синонимы (при мотивации *психология – психологизм – психологический* и *психология – психологичный*) и равнопроизводные внутришаговые синонимы (при мотивации *психология – психологический* и *психология – психологичный*); *психологический* – «1. прил. к психология; отн. к психологии, основанный на ней; 2. созданный, построенный на углублённом изображении психологии героев»; *психологичный* – «1. содержащий элементы психологизма; 2. раскрывающий психологические явления».

(4) Смешанный тип отношений:

мифический // мифичный – одношаговые равнопроизводные, синонимичные в значении «не существующий в действительности» (*мифический // мифичный клад*); ср.: *мифический* – «отн. к мифу, содержащий в себе миф»; *мифичный* – «содержащий элементы вымысла, мифичности, несуществующий»; мотивирующее существительное *миф* имеет два значения; оба они непосредственно соотносятся со значениями производных *мифический* и *мифичный*; между собой производные связаны параллельным типом мотивационных отношений через вершину *миф*.

Одношаговые равнопроизводные паронимы *микроскопический // микроскопичный*, связанные через вершину *микроскоп*, устанавливают более сложные мотивационные связи – радиально-последовательные. Ср. также равнопроизводные внутришаговые синонимы *мелодический // мелодичный* в значении «благозвучный» (*мелодические // мелодичные звуки*).

Из приведенных примеров следует, что одному значению производящего может соответствовать более чем одно значение производного. Между значениями однокоренных разносуффиксальных производных устанавливается опосредованная связь через вершину гнезда. Опосредованной является связь значений производных и в том случае, если они непосредственно соотносятся с разными значениями как производящего слова, так и других однокорневых про-

изводных. В этом случае между однокорневыми разносуффиксальными производными устанавливаются более сложные мотивационные связи с различными типами отношений, что приводит к появлению *частичной или полной синонимии*. Такое явление мы квалифицируем как **пересечение словообразовательных рядов**. Остановимся на этом.

В общем семантическом пространстве именных словообразовательных рядов функционально-семантические поля производных слов, не связанные отношениями дизъюнкции, могут пересекаться друг с другом. Для определения области сечения двух и более полей вполне достаточным представляется проверить все элементы одного из полей на диагностирующую формулу другого(их) поля(ей). Если при этом ни одно значение первого поля не отвечает положительно на проводимый тест, то такие поля не имеют точек соприкосновения. Если какая-либо часть значений или какое-либо значение одного поля положительно реагирует на диагностирующую формулу другого поля, то такие поля пересекаются и образуют некоторую общую часть или общий участок (сегмент), который мы называем **функционально-семантическим словообразовательным полем**.

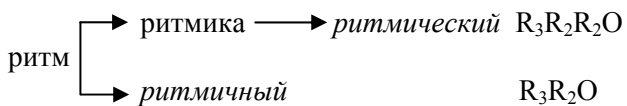
Например, семантическое поле прилагательных ряда на *-ий* частично пересекается с рядом на *-ный* (*рыбий // рыбный*), а также с рядом на *-овый* (*дельфиний // дельфиновый*). В функционально-семантическое поле производных прилагательных на *-овый*/*-евый* вписывается семантическое поле прилагательных на *-иный*, *-ий*: *соболевый // соболин // соболий*. В ряд на *-ый* частично вписывается функционально-семантическое поле прилагательных ряда на *-овый* (*лимонный // лимоновый*), *-ский* (*чародейный // чародейский*). В ряд на *-ский* семантически вписываются многие производные словообразовательного ряда на *-ичный* (*полемический // полемичный*).

Пересечение словообразовательных рядов обуславливается семантическими связями аффиксов друг с другом: инвариантных с инвариантными (*-н*, *-ск*, *-ов*), инвариантных с неинвариантными (*-ск* и *-ий*, *-ж*, *-ин*, *-ов* притяжательных прилагательных). Словообразовательные аффиксы, организующие разные словообразовательные ряды, могут быть синонимичны в одном или нескольких значениях. При этом наблюдается синонимичность абсолютная (полная) и частичная.

Синонимичные форманты имеют как тождественные, так и различные контекстуальные значения. Например, форманты *-ский*, *-ный*, *-овый* образуют словообразовательные ряды

прилагательных с указанием на «признак, что имеет отношение к тому, что названо мотивирующим словом». Вместе с тем между ними наблюдаются дифференциальные отличия. Это проявляется в том, что имеют место такие отношения (например, «лицо – принадлежащий этому лицу»), которые могут быть переданы только с помощью одного суффикса *-ск-* и не могут быть переданы другим, в частности суффиксом *-н-*. Суффикс *-н-*, в свою очередь, способен передавать как качественные (*жирный, шумный, тучный*), так и относительные (*лимонный, апельсиновый, каменный*) значения. Суффикс *-ов-* передаёт только относительные значения (*шумовой, жировой, апельсиновый*).

Частичная синонимия формантов наблюдается при пересечении рядов на *-ск(ий)* и *-ов(ый)*, ср.: *отцовский // отцов костюм; -ск(ий)* и *-ичн(ый)* (*мелодический // мелодичный*). Возьмём пару слов *ритмический // ритмичный*, принадлежащих рядам на *-ск(ий)* и *-ичн(ый)*: *ритмический* – «отн. к ритмике, подчинённый ей»; *ритмичный* – «повторяющийся через равные промежутки чего-л.», т. е.

Оба производных связаны семантически через вершину гнезда *ритм* и имеют общее функционально-семантическое словообразовательное поле «подчинённый ритму, равномерный», что позволяет их в этом значении считать частичными синонимами. МАС подаёт эти производные как абсолютные синонимы, ср.: «*ритмичный* – то же, что *ритмический*». Производные образуются на разных шагах деривации. Поэтому это межшаговые частичные синонимы, что порождаются в различных точках графа: они располагаются на параллельных ветвях. Такой вариант межшаговой синонимии называем параллельным.

Если элементы одного поля одинаково реагируют на диагностирующую формулу другого поля, то тогда первое поле целиком входит в состав второго поля (включение). Например, производные ряда на *-ист(ый)* отличаются более интенсивным проявлением признака, чем производные ряда на *-ат(ый)* (включённая синонимия). Производные идентичны по структуре – отыменные адъективы первого шага образования (равнопроизводные одношаговые), – порождаются в одной и той же точке графа гнезда (внутришаговая синонимия). Поэтому пара *волосатый // волосистый* представляет собой включённую внутришаговую синонимию равнопроизводных одношаговых прилагательных в

месте пересечения словообразовательных рядов на *-ат(ый)* и *-ист(ый)*.

Включённая внутришаговая синонимия наблюдается также в точке пересечения рядов на *-ическ(ий)* и *-ичн(ый)*, ср. *иронический // ироничный* в значении «закрывающий в себе насмешку» (*ироническая // ироничная улыбка*).

Таким образом, функционально-семантические словообразовательные поля дериватов на *-н(ый)*, *-ск(ий)*, *-ическ(ий)*, *-еск(ий)*, *-ичн(ый)*, *-енн(ый)*, *-лив(ый)*, *-ат(ый)*, *-аст(ый)*, *-ист(ый)* и др. пересекаются на основе мотивационных связей и инкорпоративных отношений, в частности включения.

Проводя компонентный анализ частей семантической субстанции языка в сфере имён прилагательных, можно отметить, какие значения устанавливаются между лингвистическими значениями дериватов разных словообразовательных рядов в структуре одного функционально-семантического словообразовательного поля. Так, однопорядковые значения (тип 1), соответствующие непересекающимся полям, считаем находящимися в *отношениях интердепенденции*. Лингвистические значения (тип 2), соответствующие пересекающимся семантическим полям, считаем находящимися в *отношении констелляции*, то есть таких, что не предполагают и не исключают друг друга. Между разнорядковыми полями могут устанавливаться *отношения детерминации* (тип 3) и *отношения импликаций* (тип 4), когда соответствующие поля входят одно в другое.

Например, анализ семантических отношений между производными прилагательными словообразовательных рядов на *не-* и *без-/бес-* позволяет проследить на словообразовательном уровне за разграничением сильного и слабого отрицания (семантико-словообразовательное поле негации и противоположности) [9]. Это в свою очередь помогает понять саму природу дериватов, включающих аффиксы с отрицательным значением [10].

Среди производных прилагательных словообразовательных рядов на *не-* и *без-/бес-* имеется группа парных прилагательных с формально совпадающей в современном русском языке мотивирующей основой типа *беззвёздное (небо) / незвёздное (небо), бесснежная (зима) / неснежная (зима), беззлойный (смех) / незлойный (смех), безобидная (шутка) / необидная (шутка), безболезненный (укол) / неболезненный (укол)* и пр. Обращение к деривационной истории производных прилагательных таких пар свидетельствует о том, что внешнее совпадение их мотивирующих основ скрывает принципиальное различие между ними.

Деривационная история каждого из членов рассматриваемых пар различна, ср.:

звёзды → *без звёзд* → *беззвёздный* (суффиксальный)
звёзды → *звёздный* → *незвёздный* (префиксальный)
злоба → *без злобы* → *беззлойный* (суффиксальный)
злоба → *злойный* → *незлойный* (префиксальный).

Различия в словообразовательных моделях и способах словообразовательного оформления сопровождаются семантическими различиями прилагательных. Так, в прилагательных с префиксом *без-/бес-* сферой действия отрицания является предложение *имеется X: ~(имеется снег) – (не имеется (совсем) снега) = бесснежный; ~(имеется злоба) – (не имеется (совсем) злобы) = беззлойный*.

В прилагательных с префиксом *не-* сферой действия отрицания есть смысл собственно прилагательного с суффиксом *-н(ый)* типа *снежный, злойный, звёздный*. Прилагательные на *-н(ый)* включают в своё значение элемент «много», ср.: *снежная зима* – «такая, что много снега выпало», *звёздное небо* – «небо, на котором много звёзд» и др. Поэтому для таких производных сферой действия отрицания будут предложения с квантитативом «*имеется много X*», в отличие от сферы действия отрицания в прилагательных с префиксом *без-/бес-*: *~(имеется много снега) = снежный – (имеется мало ∨ не имеется (совсем) снега) = неснежный; ~ (имеется много злобы) = злойный – (имеется мало злобы ∨ не имеется (совсем) злобы) = незлойный*.

Так как дизъюнкция слабее каждого из своих дизъюнктов, то отрицание в прилагательных с префиксом *без-/бес-* сильнее отрицания в прилагательных с префиксом *не-*. В данном случае разграничение сильного ∨ слабого отрицания связано со сферой его действия в различных по типу дериватах. Наличие дизъюнкции в случаях типа *незлойный* навязывается чисто логическим подходом к анализу семантики естественного языка.

Такой подход диктуется стремлением не упустить ни одной из теоретически мыслимых возможностей. Как показывает материал, даже при таком подходе отрицание деривата с префиксом *не-* оказывается слабее отрицания в прилагательных с префиксом *без-/ бес-*. На самом же деле в естественном языке отрицанием выражения *имеется много снега, злобы, ...*, скорее всего, будет выражение *имеется мало снега, злобы, ...*, соответственно первому дизъюнкту.

Подобные семантические отношения наблюдаются также в парах производных «прилагательное с префиксом *без-/бес-* и *-О-*» – «прилагательное с суффиксом *-ат(ый), -аст(ый)*».

Таким образом, отношения между лингвистическими значениями производных словообра-

зовательных рядов сводятся к четырем типам функций: функции дизъюнкции (1), функции конъюнкции (2), функции детерминации (3) и функции импликации (4).

Выводы.

1. В словообразовательных рядах устанавливаются мотивационные связи между подрядами. Это выражается в следующем: с одной стороны, возникают узловые связи, в которых находится главное, мотивирующее слово следующего, подчиненного ряда (подряда); с другой стороны, в параллельных группах дериватов возникают «слова-дублиеты» (синонимы, паронимы, словообразовательные варианты). Объясняется это тем, что словообразовательная система основывается в одинаковой мере на формальных и смысловых отношениях.

2. Производное слово того или иного словообразовательного гнезда приобретает структурные и семантические характеристики и свойства, которые проявляются далее при его вхождении в тот или иной словообразовательный ряд.

3. Постоянные изменения значений слов, перестройка их семантической структуры приводят к изменению словообразовательных отношений, что влечет за собой разрыв гнёзд, перестройку их структуры и образование новых гнёзд. Таким путём происходит пополнение и пересечение со словообразовательными гнёздами словообразовательных рядов.

4. Различение внешних и внутренних мотивационных связей однокорневых производных разных словообразовательных рядов помогает вскрыть семантическое сближение компонентов их семантической структуры и несколько иначе в связи с этим посмотреть на процесс появления частичной синонимии как результат пересечения словообразовательных рядов.

5. При пересечении словообразовательных рядов различаются несколько типов отношений в результате установления мотивационных связей (параллельный, радиальный, перекрещивающийся, смешанный). Типы отношений определяют общее словообразовательное поле между однокорневыми разноаффиксальными производными словообразовательных рядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Харитончик З. А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка : монография / Зинаида Андреевна Харитончик. – Минск : Высшая школа, 1986. – 96 с.
2. Бережан С. Г. Семантическая эквивалентность лексических единиц : монография / С. Г. Бережан. – Кишинев : Штиинца, 1973. – 372 с.
3. Czekanowski J. Zarys metod statystycznych w zastosowaniu do antropologii / J. Czekanowski // Prace

- Towarzystwa naukowego Warszawskiego. III. Wydział nauk matematycznych i przyrodniczych. – Warszawa, 1913. – № 5. – S. 226–257.
4. Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка / К. С. Горбачевич. – Л. : Просвещение, 1971. – 270 с.
  5. Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка : пособие для учителей / К. С. Горбачевич. – М. : Просвещение, 1978. – 240 с.
  6. Гречко В. А. О некоторых источниках лексической синонимии / В. А. Гречко // Очерки по синонимике современного русского литературного языка / ред. А. П. Евгеньева. – М. ; Л. : Наука, 1966. – С. 120–166.
  7. Тараненко О. О. Полісемічний паралелізм і явище семантичної аналогії / О. О. Тараненко. – К. : Наукова думка, 1980. – 115 с.
  8. Русская грамматика : в 2 т. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М. : Наука, 1980. – 783 с.
  9. Коссаk Н. В. Сильное и слабое отрицание в русском языке / Н. В. Коссаk, В. Н. Костюк // Проблемы структурной лингвистики 1980. – М. : Наука, 1982. – С. 50–62.
  10. Zimmer K. Affixal Negation in English and Other Languages: an investigation of Restricted Productivity / K. Zimmer // Supplement to Word. – 1964. – № 2. – V. 20. – 105 p.